

ЛЕВИАФАН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Валерий Ковалев

Валерий Ковалев

Левиафан

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Ковалев В. Н.

Левиафан / В. Н. Ковалев — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Российский подводный крейсер выходит на очередную боевую службу в Северную Атлантику, на материке разгорается Третья мировая война, и, после применения ядерного оружия, он оказывается в 18 веке. Корабль возвращается на родину, моряки поступают на службу к Императрице Екатерине Великой и в нескольких морских кампаниях добиваются решающих побед в Европе. Однако после смерти Екатерины к власти приходит Павел I, и в результате дворцовых интриг и предательства, корабль вынужден покинуть новое отечество, отправившись в Новый Свет, где его команду ждут необычные приключения. Содержит нецензурную брань.

© Ковалев В. Н., 2015

© ЛитРес: Самиздат, 2015

Валерий Ковалев

Левиафан

«Странники, кто вы?
Откуда пришли водяною дорогой?
Дело какое у вас?
Или без дела скитаетесь всюду,
Взад и вперед по морям»

Гомер. «Одиссея»

Часть 1. Апокалипсис

Глава 1. По пути Гольфстрима

Раннее июньское утро. Белесый шар солнца над туманным горизонтом. Тоскливые крики чаек в базальтовых скалах.

По пустынному фарватеру Мотовского залива, курсом в открытое море, гудя турбинами, шел атомный подводный ракетоносец.

На его аспидно блестящей под солнцем надстройке безмолвно застыли облаченные в спасательные жилеты швартовые команды, а на высокой, с трепещущем на ветру Андреевским флагом рубке, виднелись темные силуэты нескольких офицеров.

Корабль относился к классу ракетных крейсеров стратегического назначения, нес в своем чреве шестнадцать баллистических ракет и следовал для несения боевого дежурства в Северную Атлантику.

Оставив позади скалистые берега залива, он вышел в точку погружения и с рубки металлически пролаял мегафон, – швартовым командам вниз!

Швартовые команды на надстройке пришли в движение, подтянулись к центру корабля и поочередно исчезли в черном зеве рубочной двери. Под каблуками сапог зазвенел трап мостика, и она бесшумно задрала.

Обезлюдившая громадина крейсера неподвижно застыла на мелкой зыби, потом раздался негромкий щелчок кремальеры рубочного люка, шум с ревом врывающейся в балластные цистерны воды, и корабль ушел в пучину. Через несколько минут на этом месте бешено вращалась громадная воронка зеленоватой воды...

Спустившись в центральный пост, командир крейсера, средних лет капитан 1 ранга, приказал вахтенному офицеру следовать в заданный район и направился в свою каюту, находящуюся на средней палубе второго отсека.

Она состояла из двух небольших помещений, одно из которых предназначалось для отдыха, а второе служило рабочим кабинетом. В каюте имелось все необходимое для достаточно комфортного существования одного человека: встроенный в переборку платяной шкаф и удобная кровать с раздвижным пологом в спальне, узкий кожаный диван и вращающееся кресло, стоящее перед миниатюрным рабочим столом, с висящей над ним книжной полкой, а также небольшой сейф с кодовым замком – в кабинете. На отделанных светлым шпоном стенах висели две небольшие репродукции северных пейзажей.

Войдя в каюту, капитан 1 ранга снял форменную фуражку с золотым «крабом», меховую кожаную куртку, именуемую у моряков «канадкой» и, аккуратно повесив их в шкаф, остался в

легком репсовом костюме, с белой нашивкой «командир», на груди. Затем он присел в кресло и задумался. А подумать было над чем.

Этот поход, в карьере капитана 1 ранга Морева, так звали офицера – был последним. И не потому, что он выслужил свой срок службы или был на плохом счету у командования. Наоборот. В соединении, где служил Александр Иванович, он считался одним из лучших подводников и часто ставился в пример другим. Все дело было в том, что в стране шла очередная реорганизация Вооруженных Сил, которые сокращались до минимума. Касалась она и флота. О предстоящем увольнении в запас Морев узнал накануне похода от начальника штаба флотилии и как сложится его дальнейшая судьба, представлял смутно.

С женой он этой новостью не поделился, поскольку как обычно, заблаговременно отправил ее и дочь, перед выходом в море, к своим родителям в Ростов.

Невеселые размышления командира прервал донесшийся из висящего на переборке «каштана» голос старпома, объявившего отбой боевой тревоги и отдавший команду о заступлении вахты по – походному. Сняв с крючка вешалки ПДУ*, он повесил его на плечо и покинул каюту.

В обширном центральном посту, овеваемом прохладным ветерком из системы вентиляции, в мертвенном свете подволочных плафонов, неслась первая ходовая вахта. Несколько офицеров и мичманов, в таких же, как у командира синих репсовых костюмах, проштампованных белыми клеймами «РБ»* расположившись за пультами управления корабельными системами, внимательно наблюдали за светящимися экранами мониторов, шкалами приборов и россыпью мерцающих датчиков, время от времени выполняя на находящихся перед ними панелях, необходимые манипуляции. За их спинами по центральному посту неспешно прохаживался вахтенный офицер с сине-белой повязкой «РЦЫ» на рукаве куртки, а в проеме штурманской рубки старпом о чем-то тихо беседовал с молодым капитан-лейтенантом.

При появлении командира он подошел к нему и коротко доложил о параметрах движения корабля.

– Добро, – кивнул Морев, усаживаясь в свое персональное кресло, монолитно возвышающееся у выдвижных устройств. Штурман, – бросил он капитан-лейтенанту, – дайте мне лоцию этого района. А вы Сергей Ильич, прибавьте оборотов, чего плететесь как вошь, – буркнул он вахтенному офицеру.

– Есть, – ответил тот и кивнул сидящему за пультом одному из офицеров

– Турбинный! – рявкнул старший лейтенант в переговорное устройство, – прибавить полста!

– В ответ из него что-то прохрипели, и стрелка счетчика лага плавно покатила вправо.

– Так – то лучше, – удовлетворенно хмыкнул командир и углубился в изучение поданной штурманом лоции.

К ночи ракетносец должен был войти в Норвежское море и в районе мыса Нордкап скрытно преодолеть рубеж противолодочной обороны НАТО. Созданная американцами и их союзниками в начале семидесятых годов прошлого века, она представляла собой систему раннего обнаружения атомных советских подлодок, выходящих в Атлантику для несения боевого дежурств. Именуемая «Сосус», система включала в себя комплекс гидролокационных буев, установленных на грунте и перекрывающих участок моря от норвежского мыса Нордкап до острова Медвежий, патрульные противолодочные самолеты класса «Орион» и натовский корабль радиоразведки «Мариатта». Действовала вся система по достаточно простому принципу.

Фиксируя шумы субмарин, подводные гидролокаторы осуществляли их классификацию и, если корабль оказывался русским, выдавали соответствующие сигналы на барражирующие в воздухе патрульные «Орионы», а также постоянно находящуюся в этих водах «Мариатту». Те, в свою очередь, организовывали преследование обнаруженной субмарины и наведение на нее кораблей ВМС НАТО. Как правило, это были атомные торпедные лодки, задачей которых

являлось противодействие советским ракетноносцам в районах боевого дежурства у берегов Америки. Оно осуществлялось в форме их постоянного сопровождения, перехвата сеансов радиосвязи и имитации торпедных атак. Нередко это противоборство сопровождалось авариями, подводными столкновениями и гибелью личного состава кораблей.

С развалом Советского Союза, так называемая «холодная война» между ослабленной Россией и ее Западными противниками не прекратилась, а вышла на качественно новый уровень. И единственным фактором, сдерживающим «заокеанских друзей» от нападения на когда-то могучую империю, оставалось наличие у нее, еще пока достаточно мощного ядерного оружия. Причем расположенного не на стартовых площадках давно засеченных натовской разведкой войск РВСН, подлетное время ракет которых до Вашингтона составляло десятки минут, а носимое именно такими кораблями, как ракетноносец Морева.

Находясь в непосредственной близости от берегов США, несколько таких кораблей представляли серьезную угрозу для этой, претендующей на мировое господство страны, но для того, чтобы туда добраться и скрытно занять необходимую для стрельбы позицию, следовало прорвать противолодочный рубеж. Именно над этим сейчас и размышлял Моров.

Поход к побережью Флориды, и в том числе в качестве командира, не был для него первым. И пресловутую «Сосус», которой так кичились натовцы, он преодолевал не раз. Вспомнился давний случай по этому поводу.

В середине 70-х, лодка одного из командиров соединения, в котором теперь служил Моров, возвращаясь из Атлантики, на подходе к Нордкапу попала в цепкие клещи «Сосуса». Вначале, не давая выходить на связь, субмарину назойливо преследовала «Мариата», а потом ее сменил «Орион», сбросивший в квадрате, где находился советский корабль, целую серию гидролокационных буев. Это имело непредсказуемые последствия. Лодка всплыла на поверхность, из рубки на надстройку выскочила швартовая команда и, зааркавив ближайший буй, втащила его на палубу. Видя, как русские умыкают сверхсекретную технику, командир «Ориона» открытым текстом взмолился по радио не делать этого. Но не тут-то было. Принайтовав буй к палубе, подводники исчезли, и лодка тут же ушла на глубину. Захваченный трофей был доставлен на базу и оказался настолько ценным для ученых работавших в области радиоэлектроники, что командира не стали наказывать и представили к награде.

Припомнившийся эпизод благотворно повлиял на настроение Морева и, пробормотав, – бог не выдаст, свинья не съест, – он захлопнул люцию.

В это время тихо звякнул трап, и из ведущего с нижней палубы в центральный пост люка, возникла чья-то наголо бритая голова.

– Помощник, – обратился к ней Моров, – а ты кормить нас собираешься?

– Точно так, – пробасил рослый капитан-лейтенант, ступая на последнюю ступеньку, – все готово, товарищ командир. Сергей Ильич, дай команду, – бросил он вахтенному офицеру. Тот молча кивнул и нажал тумблер «каштана».

– Первой боевой смене обедать! – бодро разнеслось по отсекам крейсера.

Офицерская кают-компания находилась на верхней палубе второго отсека. Ее просторное помещение было отделано светлым пластиком, шпоном карельской березы и зеркалами. В центре, окруженный пятью намертво прикрепленными к палубе вращающимися креслами, стоял так называемый «командирский», а по периметру, вплотную к узким диванам, еще несколько, предназначенных для остальных офицеров, столов.

По существующей на флоте традиции, во главе центрального стола восседал командир, а по правую и левую руку от него заместитель со старпом и помощник с механиком. Соблюдалась субординация и в среде командиров боевых частей, дивизионов и начальников служб, каждый из которых также имел свое постоянное место.

Первыми, как правило, в кают-компании появлялись самые молодые, затем средних лет и, наконец, относительно пожилые офицеры. По той же традиции, на время приема пищи, они

меняли свои репсовые курточки на кремовые офицерские рубашки с золотыми погонами. Причем на груди и рукавах у многих, были отштампованы красочные эмблемы по числу пройденных их хозяевами автономок. Командир и механик, давно служившие вместе, эту атрибутику не носили, поскольку ее пришлось бы наносить им даже на спины.

Когда Морев вошел в каюту и, пожелав офицерам приятного аппетита, занял свое место за столом, обед был в самом разгаре. В первый день плавания коки постарались на славу и помимо обычных рыбных и овощных закусок, приготовили борщ по-киевски, свиные отбивные с картофелем фри и компот из кураги. Неспешно орудуя приборами и изредка обмениваясь короткими фразами, офицеры отдавали дань поварскому искусству. Привычно выпив свои пятьдесят граммов сухого вина и сжевав пару шпрот, командир принялся за поставленный перед ним вестовым борщ ...

В старшинской кают-компании, расположенной в одном из ракетных отсеков, обед шел более демократично и раскованно. Никакой иерархии здесь не соблюдалось. Мичмана и старшины-контрактники сидели вперемишку за стоящими перпендикулярно входу столами и, звеня ложками, с аппетитом уплетали все, что подавали им из окна раздатки мордастые вестовые. Подавали, впрочем, то же самое, что и офицерам – котловое довольствие в подплаве было одинаковым для всех. Время от времени по кают-компании летали острые словечки и раздавался веселый смех.

В недалеком прошлом, многие из этих парней, призванных из глубинки, отслужив на лодках срочную, стали контрактниками. И к тому были причины. В голодные девяностые работу найти в тех местах было немыслимо, а флот хоть и стремительно нищавший, все-таки давал хоть какие-то средства к существованию.

– Да, теперь снова можно служить, – глядя на молодых контрактников, философски изрек сидящий за угловым столиком пожилой усатый мичман, обращаясь к своему соседу. И в море ходим, и деньги платят.

– Надолго ли? – хмыкнул тот, флегматично жуя отбивную. – Ходят слухи, что «Никакой» (так на флоте прозвали нового министра обороны) задумал очередное сокращение. Не верю я всем этим деятелям в Кремле.

– Так зачем тогда служишь? – недовольно прогудел усатый.

– По инерции, как многие. Куда мы на гражданке, в дворники? – буркнул сосед.

– И то, правда, – нахмурился собеседник. – Ну, да ладно, не будем загадывать, глядишь и пронесет.

После обеда, многие из подводников, торопясь успеть перед заступлением на вахту, направились в корабельную курилку. Она находилась, в одном из кормовых отсеков и являлась самым популярным местом на крейсере. Рассчитанная на троих и упрятанная в герметичную камеру с тамбур – шлюзом и автономной вентиляцией, эта «душиловка», как называл ее некурящий помощник, в море эксплуатировалась нещадно.

И сейчас, в узком коридорчике перед ней, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу и торопя впереди стоящих, теснились несколько офицеров и мичманов. Вот отдраился клинкет входной двери и из нее, вместе с крепким запахом никотина и блаженной улыбкой, появился очередной счастливцев, провожаемый завистливыми взглядами коллег. В освободившийся тамбур-шлюз, с веселым матерком тут же втиснулись двое из очереди, и дверь за ними с натугой захлопнулась.

– Давай еще одни, – занял кто-то из курильщиков, – не успеем.

– Молчи салага! – шикнули на него. – Там и так уже рыл шесть. Некуда.

И действительно, в заполненной клубами синеватого дыма курилке, почти вплотную прижавшись друг к другу, жадно предавались пороку шестеро курильщиков. Зудящая над их голо-

вами вентиляция едва справлялась с непосильной нагрузкой и с чмоканьем засасывала в фильтры густой до материальности воздух.

– Хорошо забирает, – затаившись в очередной раз, пробормотал здоровенный мичман, своему соседу – щуплому лейтенанту.

– Ага, – прохрипел тот. – В самый раз.

В это время на переборке камеры рубиново вспыхнул глаз «каштана».

– Первой боевой смене собраться на инструктаж! – донесся из него голос вахтенного офицера.

Через минуту курилка опустела, и вентиляция заработала в обычном режиме.

По существующему правилу, инструктаж заступающей на вахту боевой смены проводился на средней палубе третьего отсека. Рассредоточившись вдоль центрального прохода, по всей его длине, офицеры и мичмана внимательно слушали наставления своего вахтенного офицера, стоявшего перед строем. Им был командир ракетной боевой части, на флотском языке «БЧ-2», капитан 3-его ранга Гарик Данилович Корунский.

Родом из Одессы, весельчак и остролов, капитан 3 ранга был любимцем экипажа и самым опытным вахтенным офицером на корабле. После автономки «каптри» светила военная академия, и он был в отличном расположении духа.

Для начала, ворочая по сторонам лобастой головой в сдвинутой на затылок черной пилотке, Корунский проинформировал подчиненных об особенностях плавания в данном районе, акцентировав внимание на предстоящем ночью прорыве натовской ПЛО. После этого поступили конкретные указания на период несения вахты.

– Задача ясна? – закончив инструктаж, обвел Корунский взглядом подводников.

– Точно так, – ответил за всех стоящий на правом фланге боцман.

– Вопросы?

– Нету.

– В таком случае, по местам, – бросил вахтенный начальник и шагнул к трапу центрального поста.

Строй распался, звякнули рычаги переборочных люков, и средняя палуба опустела.

– Первой боевой смене на вахту заступить! – разнеслось через минуту по боевой трансляции.

...Миновав второй отсек со скучающим у пульта вахтенным, старшина команды торпедистов мичман Ксенженко привычно скользнул в люк первого и бесшумно задраил за собой переборку. Вразвалку ступая по пружинящим под ногами пайолам*, он взглянул на манометры отсечной станции воздуха высокого давления, проверил состояние системы пожаротушения и выгородку компрессора. Все было в порядке. Проследовав в носовую часть отсека, мичман попинал ногой коконы двух спасательных плотов, торчащих их акустической ямы, удовлетворенно хмыкнул и, вернувшись назад, поднялся по вертикальному трапу наверх, на торпедную палубу.

По всей ее длине, холодно поблескивая в свете тихо жужжащих люминесцентных ламп, на двухъярусных стеллажах покоились смертоносные зеленые сигары, с одетыми на боевые зарядные отделения толстыми стегаными чехлами. Перед установленными в носу торпедными аппаратами, с красными звездами на выпуклых крышках, в привинченном к палубе вращающемся кресле, закинув ноги на направляющую балку, удобно расположился вахтенный торпедист, что-то вдумчиво записывающий в толстый блокнот.

– О, смена! – оживился он при появлении Ксенженко и, опустив ноги с балки, поднялся с кресла.

– Как тут у тебя дела? – поинтересовался старшина команды, – торпеды вентилировал?

– Само – собой, – кивнул головой вахтенный, – час назад. Водород в норме, сопротивление изоляции тоже. В верхних аппаратах конденсат, но в пределах нормы.

– Добро, – пробормотал Ксенженко, после чего взглянул на висящий у входного люка глубиномер и нажал переключатель «каштана»*.

– Центральный! – запульсировал на панели световой сигнал.

– В первом, по боевой готовности два, первая боевая смена на вахту заступила, -монотонно забасил мичман в решетку микрофона. Отсек осмотрен. Замечаний нет. Глубина сто двадцать метров. Вахтенный – мичман Ксенженко.

– Есть первый! – вякнул «каштан» и сигнал погас.

– Ну что, Саня, настраивайся на обед, – грузно опустился в кресло старшина команды. – Борщ сегодня отменный, рекомендую.

– Успею, – махнул тот рукой. – Лучше послушай, какой я стих накопал. И раскрыв блокнот, мичман Порубов, так звали сослуживца Ксенженко, с чувством продекламировал

«Плетется лодка по заливу,

Уныло дизеля гремят,

И с рубки ржавой офицеры

Тоскливо на воду глядят.

В канадке подранной сигнальщик,

Ратьером что-то говорит,

На берег, где такой же мальчик,

На вахте «СНИСовской » сидит.

Чу?! Сопка снежная по курсу,

Ну а на ней застыл олень.

«Дай карабин!», – орет вниз кэптэн ,

– и «шила» мне стакан налей»!

Минута, и оружие в рубке,

А к «шилу» каменный сухарь,

Глотнул наш кэп ректификату

И вскинул на руку винтарь .

Полыхнул выстрел, с сопки в воду,

Летит подстреленный олень,

А следом чукча, в нартах длинных,

На лодку он видать, смотрел.

«Центральный!! Срочно, погружение!

Всем вниз!» – в момент задраен люк,

И лодка с хрюканьем и свистом,

В «тартАры» провалилась вдруг.

Смотри на эту фотографию,

Она ведь к стиху, моему,

И пой по чукче эпитафию,

Она теперь, нужна ему!».

– Ну, как? – с надеждой уставился Порубов на старшину команды. – Пойдет?

– Ништяк, – рассмеялся тот. – Только вот где эта фотография? Не вижу.

– На базе осталась, – грустно вздохнул Порубов. – На ней мой «кэп» в рубке с карабином. Это когда я еще на «дизелях» служил, на ТОФе.

– И что, такое на самом деле было? – с сомнением взглянул на него Ксенженко.

– Ну да, – спрятал блокнот в карман Порубов. – Только чукча тогда не потонул, зацепился нартами за скалу у самой воды.

– Подвахтенным от мест отойти! Третьей боевой смене обедать! – бодро раздалось из «каштана».

– Ну, я почапал, – снял с кронштейна ПДУ Порубов.

– Давай, – согласно кивнул Ксенженко.

В 23.00 ракетносец подошел к Нордкапу и тишину отсеков разорвали колокола громкого боя.

– Говорит командир! – разнеслось по боевым постам. – Приступаем к прорыву рубежа противолодочной обороны. Все вспомогательные механизмы отключить, на лодке режим тишины!

Через мгновение затих шум корабельной вентиляции, вздохнули гидравликой переборочные клинкеты, и в наступившей тишине слышалось только тихое жужжание дросселей ламп освещения.

– Погружаемся на глубину двести метров! – последовала очередная команда. Ракетносец едва ощутимо замедлил ход и с дифферентом на нос стал уходить в пучину. Десятки глаз напряженно следили за ожившими стрелками глубиномеров, отсчитывающими ее метры.

– Глубина двести метров! Осмотреться в отсеках! – мигнул рубиновым глазком «каштан».

Вскоре стали поступать доклады с боевых постов – все шло в нормальном режиме.

Впрочем, гидроакустики зафиксировали сигналы «квакеров», что было характерным для данного района плавания.

Эти необъяснимые по своей природе, отдаленно напоминающее кваканье лягушек гидроакустические сигналы, фиксировались советскими подводными лодками при выходе на боевые дежурства еще с начала семидесятых годов. Поначалу считали, что их издают глубоководные буи натовской системы «Сосус» и пытались засечь координаты. Однако всякий раз сигналы возникали из ниоткуда, в самых неожиданных районах Атлантики, на различных глубинах и частотах. Главкомом ВМФ была создана специальная группа, вплотную занявшаяся этим явлением, однако с развалом СССР работы свернули и к ним больше не возвращались.

Тем не менее, по существующим канонам, время и место контакта с «квакерами», были отмечены в вахтенном журнале. Такова особенность подводного плавания – все, что имеет отношение к походу, должно фиксироваться.

Через несколько часов, благополучно миновав опасный район, крейсер вышел на первый сеанс связи. Предварительно, приказав всплыть на перископную глубину, Морев поднялся в затемненную боевую рубку и оглядел ночной горизонт. Через инфракрасную подсветку перископа он выглядел непривычно ярко и таинственно. Над безбрежной пустыней моря низко висели облака, сквозь которые изредка пробивался свет далеких звезд.

Такие минуты в рубке Морев любил. Они отрешали от всего земного и давали ощущения первозданности и вечности бытия. От величия и вселенской тишины морских просторов веяло грозной силой и неизведанностью. И что в них человек? Песчинка разума, мгновение в пространстве.

Закончив осмотр водной акватории и отщелкнув в исходное рукоятки, Морев нажал кнопку и, проследив как перископ плавно опустился в шахту, ступил в темный зев люка.

В центральном, в призрачном свете боевого освещения и мерцании экранов, неверно вырисовывались абрисы вахтенных. Подождав, пока двое из них убрали навесной трап и задраили нижнюю крышку рубочного люка, командир уселся в свое кресло и кивнул вахтенному офицеру.

Тот отдал ряд негромких команд, и лодка стала погружаться. На пятидесятиметровой глубине в ее легком корпусе, на корме, бесшумно открылась сдвоенная аппарель, и во мрак скользнуло параванное устройство системы подводной связи. А немного спустя, из недр ракетоносца, в доли секунды, выплеснулся и унесся к поверхности, а оттуда в космос, импульс переданной информации. После этого, подобно рыбе-прилипале, параван подтянулся к кораблю, приник к его корпусу и исчез.

– Уходим на триста, – бросил Морев Корунскому, когда в центральный, от связистов, поступил доклад о завершении сеанса.

– Боцман, погружаемся на триста метров, – приказал тот сидящему за пультом мичману.

– Есть, – коротко ответил тот и едва уловимо шевельнул манипуляторами рулей. Субмарина послушно отреагировала и стала уходить на глубину. Бесшумно влекомая лопастями движителей в неизвестность, она скользила в холодном мраке над подводными пиками и каньонами, нарушая своим присутствием установившийся порядок жизни их обитателей. А их было немало.

В студеных, согреваемых Гольфстримом водах Норвежского моря жировали косяки трески и носились пугливые стаи сельди, которых преследовали хищные касатки. На некотором удалении за лодкой следовали вездесущие акулы, а порой, в глубине, мелькали огромные, расплывчатые тени финвалов.

Не было пустынным и дно. С древних времен это арктическое море бороздили черные дракары викингов и смоленные ладьи новгородцев, многие из которых находили здесь свое последнее пристанище. Покоились тут и английские суда северных конвоев, а также поросшие водорослями лодки немецких кригсмарине. Порой, на ржавом буйрепе, во мраке возникал силуэт глубоководной донной мины, по настоящее время ждущей свою жертву...

Когда необходимый маневр был завершен и из отсеков поступили доклады об их осмотре, Морев удовлетворенно качнул головой и встал с кресла.

– Ну, вы, Гарик Данилович тут пока руководите, – а я пройдуся по кораблю, сказал он вахтенному офицеру и спустился в люк, ведущий на среднюю палубу.

Помимо прочих многочисленных обязанностей, командирам лодок предписывалось ежедневно осматривать отсеки в походе. И отличавшийся пунктуальностью Морев никогда не пренебрегал этим правилом. За свою службу он повидал всякое и самым бодрым докладам предпочитал личную проверку. Тем более, что, как и везде, придуманный каким-то идиотом «человеческий фактор», а попросту махровое разгильдяйство, в Вооруженных Силах набирал все большие обороты. Но одно дело, когда ты командуешь танком или сверхзвуковым истребителем, и совсем другое, когда это ракетный крейсер стратегического назначения. Да еще в море, которое не прощает даже малейших ошибок.

В свое время, высшие военачальники, именно на этот «фактор» и ссылались, прикрывая себя и оправдывая гибель «Комсомольца, а затем и «Курска». А этому, как и многие, Морев не верил, имея собственное мнение.

Обход, как всегда, он начал с первого отсека, где помимо обычных, приведенные в боевое состояние, в нижних торпедных аппаратах покоились торпеды с ядерными боеголовками.

Вахтенным снова был Ксенженко, который мурлыча что-то под нос, внимательно изучал разложенную на боевом пульте схему. При появлении командира он шагнул ему навстречу и доложил о результатах несения службы.

– Как тут наши красавицы? – кивнул Морев на опломбированные крышки нижних аппаратов.

– Чего им сделается? – прогудел мичман. – Лежат, ждут своего часа.

– А это что у тебя? – ткнул Морев пальцем в схему.

– Принцип работы электромагнитного взрывателя. Решил освежить в памяти.

– Что ж, похвально, а где трюмный? Что-то я его внизу не видел.

– В выгородке компрессора, товарищ командир, занимается профилактикой.

– Да? А ну-ка, посмотрим. И спустившись на среднюю палубу, они отдраили дверь выгородки.

Там, у массивной туши компрессора, в хитросплетениях трубопроводов и вентилей, скрючившись на пайоле, сидел трюмный и орудовал ключом на фланце одного из соединений. Увидев командира, вахтенный попытался встать и ткнулся головой в кронштейн.

– Сиди, Дараган, сиди, – положил ему руку на плечо Морев. – Чем занимаешься?

– Да вот, прокладку меняю, товарищ командир, – шмыгнул носом старшина. – Пробило при выходе.

– Ну, ну, – одобрил Морев. – Давай, старшина, трудись.

В течение последующего часа Морев обошел все отсеки и боевые посты крейсера, оставшись довольным состоянием несения вахты. Главная заслуга в этом была старпома, который отвечал за организацию несения службы на корабле и безжалостно разносил нерадивых. А такие были, как, впрочем, и везде. Многие, и в том числе офицеры, недолюбливали дотошного капитана 2 ранга, но Морев тот вполне устраивал. Старпом, как говорят, был на месте.

Напоследок командир решил зайти на пульт ГЭУ*, располагавшийся на нижней палубе третьего отсека. Помимо вахтенного инженера, там оказался механик и лодочный особист.

Инженер объяснял старшему лейтенанту принцип управления ядерным реактором, а механик просматривал записи в рабочем журнале.

– Вот, знакомим контрразведку с азами ядерной энергетики, – кивнул он на особиста.

– И как вам, Геннадий Петрович, все понятно? – взглянул на того Морев.

– В общих чертах да, – кивнул старший лейтенант. – До чего все-таки могут додуматься люди. Фантастика!

– Это у вас первый поход?

– Первый.

– Ну что ж, хорошо, – сказал Морев и вышел из рубки.

Об особистах он был невысокого мнения. И к тому были причины.

В конце девяностых Морев служил помощником на атомоходе «Вепрь», в одном из северных гарнизонов и имел нелицеприятное общение с представителями этой конторы. Поводом к тому послужило чрезвычайное происшествие, случившееся на лодке.

Один из торпедистов – матрос срочной службы, в ночное время, при стоянке в базе, напав на вахтенного, оглушил того и отобрал автомат. Затем, спустившись в лодку, хладнокровно расстрелял восьмерых сослуживцев и, забаррикадировавшись в первом отсеке, стал угрожать взрывом корабля. На базе сыграли тревогу и о «чп» донесли в Москву. Там всполошились, ибо угроза была реальной и взрыв мог породить катастрофу почище черновыльскай. Из столицы на военно-транспортном самолете доставили «Альфу» и после недолгих переговоров моряка уничтожили.

А потом стали разбираться с виновными. Офицеров корабля допрашивали в контрразведке и прокуратуре, грозя всеми смертными карами. В итоге командира отдали под суд, а многих наказали и распахали по дальним гарнизонам. Мореву повезло. Отделался, как говорят, легким испугом. Но с тех пор всякое упоминание о контрразведке будило в нем скрытую неприязнь и тревогу.

Не нравился ему и вышедший в поход вместе с экипажем, новый особист. Прежний, обслуживавший лодку несколько лет и переведенный в Североморск, нелицеприятно охарактеризовал Мореву своего коллегу и порекомендовал тому держать ухо востро.

– Смотри, Александр Иванович, – сказал он на прощанье. – Этот парень из «блатных» и будет рвать подметки, чтобы выслужиться перед начальством.

В правоте слов капитана 3 ранга, Морев убедился уже через неделю в штабе, когда его к себе вызвал комдив и отчитал за потерю бдительности.

– Не понял? – вскинул на него глаза Морев. – У меня на корабле все в порядке.

– А это?! – побагровел адмирал и, открыв сейф, протянул капитану 1 ранга офицерскую тетрадь в черном коленкоровом переплете. – Твоего начхима, полюбуешься. Секретная, между прочим!

– Откуда она у вас? – удивился Морев, взяв тетрадь в руки и перелистывая исписанные аккуратным почерком страницы.

– От начальника контрразведки. По дружбе вернул. Твой особист ее в кают-компании обнаружил. После занятий. Так, что разберись с этим. Начхиму вкачай выговор с занесением, а секретчика в трюмах потренируй, чтоб служба раем не казалась.

– Слушаюсь, товарищ адмирал, – сказал Морев. – Разрешите идти?

– Иди, – буркнул комдив. – И строй отношения со своим Штирлицем. Судя по всему, он не подарок.

«Строить отношений» со старшим лейтенантом Березиным – так звали особиста, Морев не собирался, и при очередном появлении того на лодке, выразил недовольство его поведением.

– Могли бы, предварительно сообщить об этом факте мне, Геннадий Петрович. Ведь никакого злого умысла в действиях начхима нет. Обычное разгильдяйство.

– Прошу меня не учить, – парировал контрразведчик. – Я знаю, что делаю.

– Ну, что ж, – вздохнул Морев. – Будем считать, что мы друг друга не поняли. А жаль.

Завершив обход корабля и зайдя напоследок в центральный, Морев решил отдохнуть, и направился к себе в каюту. Не успел он раздеться, как послышался легкий стук в дверь.

– Да, – с неудовольствием сказал командир.

– Разрешите, Александр Иванович? – возник в темном проеме механик. – Я ненадолго.

– Ну что ж, заходи, Николай Львович, – зевнул Морев.

– Тут такое дело, – тихо прикрыв дверь и усаживаясь на диван, доверительно произнес капитан 2 ранга. – Мне кажется, вахтенный инженер стукач.

– С чего ты взял? – нахмурился Морев.

– До вашего прихода мне понадобилась кое-какая информация по реактору. Захожу на пульт, а там особист о чем-то секретничает с инженером. При моем появлении сразу же сменили тему, и мой Ручкин докладывает – так, мол и так, знакомлю старшего лейтенанта с системой управления энергетической установкой. А у самого глаза бегают, как у нашкодившей суки.

– Ну и что тут такого? – хмыкнул командир. – Мало ли у кого бегают?

– А то, – наклонился к нему механик. – Я особисту это все объяснял с месяц назад, в море, на отработке. Причем, самым подробным образом.

– М-да, – задумчиво взглянул на механика Морев. – А зачем собственно ты мне все это рассказываешь?

– Мне сексоты в боевой части не нужны, – привыкший тот.

– И что ты предлагаешь?

– Пока ничего. Просто докладываю.

– В таком случае иди, и занимайся своими делами. Одного особиста на борту мне вполне достаточно.

– Слушаюсь, – буркнул механик и, выйдя из каюты, тихо прикрыл дверь.

Через пять минут, улегшись в постель и блаженно вздохнув, Морев спал крепким сном.

В это же время, в пятом отсеке, на нижней койке медицинского изолятора мучился от бессонницы Березин. Отдельная каюта ему не полагалась, и контрразведчик обитал там вместе с корабельным врачом. Место это для обитания было довольно комфортным, поскольку изолятор имел отдельный галльон с душем и сообщался с амбулаторией, оборудованной по последнему слову научной мысли. В нем имелось все, чтобы оказывать подводникам в море весь спектр медицинских услуг, начиная от лечения банальных ушибов и заканчивая несложными хирургическими операциями. Сожитель Березина – майор медицинской службы Алубин, возился в амбулатории со своим мудреным хозяйством, а старший лейтенант, предавался невеселым размышлениям.

Он не любил свою службу и тяготился ей.

Закончив два года назад академию ФСБ, куда Березин попал благодаря связям отца – маститого депутата Государственной Думы, он надеялся на блестящую карьеру в контрразведке. И все поначалу складывалось хорошо. Родитель, водивший близкую дружбу с одним из заместителей директора ФСБ, пристроил свое чадо на престижную должность в управление международного сотрудничества в центральном аппарате. Однако через год, попав в первую зарубежную командировку в Лондон, молодой Березин учинил там пьяный дебош в ресторане и был отозван на родину. Встал вопрос об увольнении, но снова помогли родительские связи. Неудавшегося «международника» перевели в департамент военной контрразведки и направили от греха подальше, в управление контрразведки Северного флота.

– Пересидишь там год-другой, – напутствовал его приятель отца, – я организую тебековую характеристику и подыщу приличное место в Москве.

В Североморске, зная чьим протеже является Березин, его определили в один из лучших заполярных гарнизонов в котором базировалось ударное соединение подводных ракетноносцев.

Начальник контрразведки соединения, мечтавший об адмиральских погонах, принял «москвича» радушно и стал всячески опекать.

Однако коллеги по отделу отнеслись к старшему лейтенанту настороженно – он им сразу не понравился своим высокомерием и чрезмерной близостью к начальству. В первый же выход в море, Березин убедился, что новая служба «не подарок». Замкнутое пространство корабля действовало угнетающе, а обитающие в нем люди вызывали неприязнь. Они были чужды Геннадию, с детских лет привыкшему возвращаться в высшем обществе. Короче, самое настоящее быдло, как любил выражаться отец.

– Ну да ладно, – думал Березин. – Через три месяца вернемся из плавания, а там санаторий, отпуск и, глядишь, снова Москва. Папаша меня в этой дыре не оставит.

Глава 2. На просторах Атлантики

Северная Атлантика встретила крейсер двенадцатибалльным штормом. Он чувствовался даже на двухсотметровой глубине.

Неумолимая сила раскачивала лодку на гигантских качелях и затрудняла управление кораблем. Однако погружаться ниже Морев не спешил. Он решил заняться отработкой экипажа в экстремальных условиях.

Для начала на корабле объявили тревогу и, получив из отсеков доклады о готовности к бою, провели учения по борьбе с пожаром. Огонь и вода – главные враги подлодки. Причем на глубине они намного опаснее, чем на поверхности. Там есть свобода маневра, обычная среда обитания человека, и возможность оставления терпящего бедствие судна.

Под водой всего этого нет. Борьба идет в дважды замкнутом пространстве – пучина, корпус субмарины; в абсолютно чуждой стихии и до последней минуты. Будь она конечной в ликвидации последствий аварии или роковой для всего экипажа.

Учения прошли нормально. Условный пожар в турбинном отсеке, его личным составом был «потушен» грамотно и в нормативные сроки.

– Ну что ж, – мимолетно взглянул Морев на довольного старпома после их разбора. – А теперь, поборемся с водой. Сергей Ильич, – обратился он к сидящему за пультом вахтенному офицеру, – дайте вводную, пробоина в трюме, в районе пятьдесят седьмого шпангоута.

– Есть, – кивнул тот и нажал тумблер боевой трансляции.

– Учебно-аварийная тревога! Пробоина в трюме, районе пятьдесят седьмого шпангоута! – разнеслось по кораблю.

Через несколько секунд из пятого и смежных с ним отсеков стали поступать доклады о ходе борьбы с водой.

– Есть!

– Есть!

– Есть! – только и успевал отвечать на них вахтенный офицер.

– Пробоина заделана! Включены насосы на осушение трюма! – последовал через несколько минут последний доклад.

– Уложились, – нажал кнопку секундомера старпом и вопросительно уставился на командира.

– А точнее, уложили, – нахмурился Морев. – На такой глубине вашу аварийную партию размазало бы давлением воды по переборкам. Сергей Ильич, – обратился он к вахтенному офицеру, – почему вы не всплыли на перископную глубину?

– Но ведь там шторм, я думал...

– А вы не думайте, на этот счет есть строго определенные действия, – процедил командир. – Отработка не принимается. Учения придется повторить завтра. Отбой тревоги.

Хотя учения прошли и не на должном уровне, настроение у экипажа было приподнятым.

Выход в Атлантику, а на сленге подводников в «банановую рощу», сулил ощутимую прибавку к жалованию. Причем не в отечественных рублях, а в североамериканских долларах, которые с чьей-то легкой руки прозвали «бананами». По этому поводу в кают-компании и курилке шел оживленный обмен мнениями.

– Нет, по сравнению с советскими временами, это все-таки мизер, – сказал во время обеда механик, обращаясь к старпому. Тогда мы получали намного больше. За несколько походов можно было скопить на «Жигули», а то и на «Волгу».

– А теперь на колесо от «Тайоты», – рассмеялся старпом. – Зато импортное, японское.

– За что боролись, на то и напоролись, – вздохнул механик. – Гарсун, тащи первое!

Через минуту перед ним возник вестовой в белой курточке, осторожно несший мельхиоровую миску. Большой палец его правой руки омывался золотисто поблескивающим супом.

– Что это? – пробурчал механик, хмуро кивнув на палец.

– Ничего, товарищ капитан 2 ранга, мне не горячо, – поставил вестовой миску на стол и вытер палец о куртку.

В кают-компании грохнул жизнерадостный смех.

При всплытии на очередной сеанс связи из рубки акустиков доложили о непонятных ударах по корпусу в районе кормы. Спустя минуту, аналогичный доклад поступил и от вахтенного шестого отсека. Удары чередовались с разными временными промежутками, были одной тональности и классифицировались акустиками как механические.

– Что это может быть? – встревожено поинтересовался Морев у вызванного в центральный начальника РТС*.

– Судя по всему, – контакт с каким-то посторонним предметом, – ответил тот.

– А конкретней?

– Трудно сказать, – наморщил лоб капитан-лейтенант. – Удары металла о металл.

– Может остаток сети или троса? – неуверенно произнес старпом.

– Или старая мина, – гортанно вставил заместитель.

– Типун тебе на язык, Башир Нухович, – покосился на него старпом. – Вечно ты усугубляешь.

– Ну что ж, попытаемся выяснить, – обвел Морев глазами подчиненных. – Боцман, ныряем на четыреста метров.

В течение часа, меняя глубину и скорость хода, ракетносец совершал под водой различные эволюции. Стук продолжался, причем с увеличением хода усиливался.

– Скорее всего, во время шторма открылся один из кормовых швартовых лючков или сорвало со стопоров барабан вьюшки, – констатировал помощник.

– Вполне возможно, – согласился старпом. – Но как это проверить? Чертова погремушка напрочь лишает нас скрытности.

– Я мог бы выйти за борт и осмотреть корпус, – сжал губы Лобанов. – Разрешите, товарищ командир?

Морев задумался. Ситуация была явно нештатной и ставила под угрозу выполнение боевой задачи. Тем более, что в районе боевого дежурства, у Бермудских островов, всегда шныряли американские «Лос-Анджелесы», встреча с которыми не входила в его планы. Всплыть на поверхность ракетносец не мог, а выход на его корпус в легководолазном снаряжении, в условиях Атлантики был чрезмерно опасным.

– Александр Иванович, я справлюсь, – словно читая мысли командира, сказал помощник. Вы наверное забыли, на срочной я служил водолазом-инструктором. У меня наплаванность выше всех наших внештатников, вместе взятых.

– Ну что ж, Михаил Иванович, попробуй, – поколебавшись, согласился командир. – Я надеюсь на тебя.

Через минуту двое вахтенных извлекли со штатного места за пультом тяжелую прорезиненную сумку, проштампованную буквами «П-к к-ра» и достали из нее оранжевый гидрокостюм, дыхательный аппарат и шерстяное водолазное белье.

После того, как с помощью коллег помощник облачился в легководолазное снаряжение и, получив инструктаж, прикрепил к поясу подводный фонарь, Морев приказал сыграть боевую тревогу и всплыть на перископную глубину. Это было вопреки всем правилам, но иного выхода не было.

Как только стрелка глубиномера застыла на семнадцати метрах, нижний рубочный люк отдраили, установили трап, и помощник, включившись в аппарат, неуклюже полез вверх. Когда его ноги исчезли в зеве люка, крышку вернули на место, и механик звякнул по ней гаечным ключом. Из рубки донесся ответный удар, и туда подали воду.

Следя за всеми этими манипуляциями, Морев вспоминал свою водолажную практику. Она была небогатой. Несколько практических выходов из торпедного аппарата на учебном полигоне в училище, и еще один на командирских курсах в Санкт – Петербурге. Со времен Союза легководолазная подготовка на флоте была сведена до минимума. А снаряжение? Оно было конца пятидесятих годов прошлого века. И начальству на это было плевать. Адмиралы под воду не ходят. Представив, каково сейчас помощнику, Морев поежился и взглянул на отсечные часы. Время, казалось, застыло на месте.

Поднявшись на промежуточную площадку и обменявшись сигналами с центральным, Лобанов включил фонарь, неверно осветивший заполняемую водой пустоту рубки. Поднимаясь все выше, она обжимала гидрокомбинезон, холодило тело и, наконец, заполнила все пространство. Затем произошел очередной обмен сигналами и из центрального стали уравнивать давление.

В голове и ушах помощник ощутил легкое потрескивание и сделал несколько глубоких вдохов. Потом, упираясь спиной в гладкий тубус шахты, стал подниматься к верхнему люку. Вода помогала ему, выталкивая, как поплавков. Кремальера люка провернулась с трудом и, отжав рукоятку задвижки, капитан-лейтенант поднял спружинившую крышку. Оказавшись на мостике и подсвечивая себе фонарем, он спустился по трапу вниз, минуя шахты выдвижных устройств пробрался в легкий корпус ракетной палубы и осторожно направился в сторону кормы.

Все это время свободной рукой приходилось удерживаться за различные трубопроводы и кронштейны, чтобы не быть прижатым к подволоку. Фонарь помогал мало, пробивая зеленую толщу воды едва ли на метр. Вот и кормовые вьюшки, с намотанным на барабаны толстым тросом. Стопора на месте, все раскреплено по – походному.

Вплотную прижавшись к металлу легкого корпуса и обливаясь потом, Лобанов внимательно обследовал швартовые люки. Правый задраен наглухо и поставлен на стопор. А вот крышка левого, под усилием его руки легко подается. Так и есть. Ее задвижка открыта.

Теперь все стало ясным. При увеличении скорости хода ракетноносца, она отбрасывалась встречным потоком воды и била по корпусу.

Оскальзываясь резиновой рукавицей и чертыхаясь, помощник долго возился с клиновидным запором, наконец, вернул на место и застопорил. Затем, с трудом отдышавшись, нащупал рукой металлический карабин на брасе и трижды постучал им в прочный корпус лодки. Потом все повторилось в обратном порядке, с той лишь разницей, что сил у Лобанова почти не осталось, и он едва передвигался. Наконец долгожданный мостик и капитан-лейтенант с трудом втиснулся в люк.

Все это время, в прочном корпусе лодки, в режиме полной тишины, подводники напряженно вслушивались в забортные звуки. Они знали о том смертельном риске, которому подвергался их товарищ, и переживали за него. И три глухих удара в корпус, зафиксированные вахтен-

ными, воспринялись каждым, как личная победа. Многие с облегчением вздохнули, некоторые улыбнулись, а самые молодые с тревогой пялились в подволок.

Как только ноги помощника показались из люка, его подхватили сильные руки и бережно спустили на палубу. Затем, отстегнув карабины, с капитан-лейтенанта сняли громоздкий дыхательный аппарат, расшнуровав аппендикс, стащили гидрокостюм и усадили в одно из кресел.

– Ну, как, Михаил Иванович? – наклонился к нему Морев. – Ты в порядке?

– Да, – кивнул головой бледный помощник, – вполне.

– И что выяснил наверху?

– Как мы и думали, отдраился один из швартовых люков в корме. Я все привел в исходное.

– Молодец, – положил Морев руку на плечо помощника. – А теперь иди к себе в каюту и хорошенько отдохни.

Проводив взглядом исчезающую на трапе плечистую фигуру, Морев обернулся к вахтенному офицеру и приказал дать отбой тревоги.

– Отбой боевой тревоги! Вахте заступить по походному! – весело рявкнул тот в «каштан».

– Да, неважный я психолог, – подумал Морев, усаживаясь в кресло.

До этого случая он сильно сомневался в способностях Лобунова к принятию самостоятельных решений в боевой обстановке. Помощник служил в экипаже третий месяц и на берегу себя особо ничем не проявлял, внешне безразлично исполняя свои рутинные обязанности. Теперь же командир увидел его совсем другими глазами и был рад этому. Для подплава, такой офицер на лодке, на вес золота.

А Лобунов в это время, приняв горячий душ и выпив в кают-компании пару стаканов чая, мирно спал в своей каюте. Ему снилось море...

Через неделю, оставив позади значительную часть Атлантики, ракетносец подходил к экватору.

За всю историю мореплавания, начиная со времен Колумба, эта условная, протяженностью более сорока тысяч километров линия, делящая земную сферу на Северное и Южное полушария, пересекалась кораблями тысячи раз. И по издавна существующей традиции на кораблях устраивался праздник. Моряки чествовали Нептуна и просили у него благополучия в плавании.

И хотя пересечение экватора не планировалось, на корабле решили отметить это событие. К празднику, стараниями заместителя командира, подготовились загодя.

Еще на базе, уговорив старпома расстаться с несколькими килограммами спирта, а интенданта с парой банок воблы, оборотистый Башир Нухович изготовил в Североморске, в топографии, памятные дипломы по числу участников похода, впервые ходивших к экватору. В них указывалось, что имярек такой-то, в настоящем году побывал там, на борту «судна потаенного», о чем свидетельствовала собственноручная подпись Нептуна и печать. Помимо этого, заместитель достал где-то несколько женских париков и бюстгалтеров для будущих корабельных Наяд.

На переходе, с участием dobroxотов, им были подготовлены сценарий праздника, необходимые костюмы, а заодно и праздничный концерт. Все действо, по согласованию с особистом, планировалось заснять на фото пленку.

И этот день наступил. Получив от штурмана точное время и координаты нахождения крейсера, командир сообщил об этом по боевой трансляции экипажу и поздравил его. А чуть позже, из кормовых отсеков, в сторону центрального поста, двинулась живописная процессия.

Впереди, с украшенным лентами трезубцем в руке, величаво шествовал Нептун, в накинутой на плечи белой простыне, блестящей фольгой короне и с длинной бородой из пакли. Его сопровождала охрана из татуированных пиратов, вооруженных офицерскими кортиками,

две полуголых Наяды, строящих всем глазки и толпа измазанных до невозможности, кривляющихся чертей.

Сопровождаемая всеми свободными от вахты, процессия торжественно поднялась по трапу в ярко освещенный по этому поводу центральный, и Нептун, грозно оглядев присутствующих там, поинтересовался – чей перед ним корабль и куда следует.

Принимая его тон, Морев, встал со своего кресла и сообщил, что корабль российский и идет в заморские воды.

– А это, морской владыка, наши дары тебе, – указал он рукой на стоящий рядом картонный ящик, в котором виднелись банки со сгущенкой, соком и пачками печенья.

По знаку Нептуна черти тут же его схватили и продемонстрировали содержимое.

– И кто из мореходов в моих владениях впервые? – одобительно оглядев подарки, пробашил Нептун.

– Вот, – протянул ему командир, переданный заместителем список.

– Ну что ж, судну твоему потаенному, плавать во всех морях-океанах беспопылинно. А мореходам этим, – потряс владыка списком, – предстоит сейчас пройти крещение.

– Как прикажешь, Великий царь, – сдерживая улыбку, сказал Морев. – Спасибо за оказанную нам честь и доброту.

После этого вся процессия покинула центральный и начала обходить отсеки. Первым был «окрещен» электрик второго. Черти подвели его к «Нептуну», окропили морской водой, и тот, вручив моряку диплом, торжественно огласил, что отныне сей муж наречен именем «Рыба Скот». А обе Наяды облобызали вновь обращенного накрашенными губами, что было запечатлено корабельными фотоаппаратами для истории. Такое же, под одобрительный смех присутствующих, было проделано со всеми остальными, указанными в списке и в том числе особистом, которого нарекли «Рыбой Меч».

Затем был праздничный обед, с двойной нормой вина для каждого и началась подготовка к концерту.

Однако веселились не все. Вахта на корабле неслась в обычном режиме.

В числе других, в своей рубке скучал и инженер гидроакустической группы, старший лейтенант Ванин. Сидя в полумраке перед включенной станцией, он флегматично наблюдал за мерцающим экраном индикатора обзора. Вдруг на нем засветилась пульсирующая отметка. Ванин оживился, привычно подвел к ней визир автоматического сопровождения и прослушал цель на различных диапазонах. В наушниках раздались звуки, напоминающие крики дельфинов.

– Биология моря, – констатировал про себя старший лейтенант.

Шестой год находясь в своей должности и имея за плечами десяток выходов в море и три боевых службы, Ванин убедился, что гидроакустика довольно относительная наука, не позволяющая судить о чем-либо, со стопроцентной уверенностью.

Она исходит из того, что каждому кораблю, как и человеку, присущи строго индивидуальные звуковые характеристики. По ним можно судить – надводный он или подводный, к какому классу и даже «национальности» относится. Все это, в первую очередь, зависит от личного опыта, и слуха акустика. Однако больше всего Ванин доверял приборному контакту, при котором вычислительная техника по дискретным составляющим выдавала весь шумовой «портрет» цели.

Инженер исследовал еще несколько слабых сигналов, возникших на экране, а потом его внимание привлек более сильный и устойчивый.

Спустя секунду, в центральный последовал доклад, – БИП, акустик! Приборный и акустический контакт. По пеленгу тридцать, дистанция пятьдесят, шум винтов. Предположительно американская подводная лодка класса Лос-Анджелес!

– Есть акустик! – ответили оттуда, и на корабле сыграли боевую тревогу.

Праздник закончился, лодка увеличила ход и стала уклоняться от встречи с противником. Дело усугублялось тем, что ракетносец был на подходе к району боевого дежурства, и притащить туда за собой на хвосте американца было чревато последствиями.

Однако сделать это оказалось не просто. «Лос-Анджелес тоже засек подводный крейсер и начал его преследование.

Бешеная гонка в океанских пучинах длилась несколько часов и напоминала игру в «кошки-мышки». Оторваться от назойливого «лоса» Мореву удалось только глубокой ночью, уйдя на предельную глубину. Здесь он сбросил ход и, приказав выключить все вспомогательные механизмы, объявил режим тишины в отсеках. Потянулись тягостные минуты ожидания.

Спустя час, удостоверившись, что акустический контакт с американцами потерян, крейсер подвсплыл и увеличил ход.

– Кажется оторвались, – взглянул старпом на Морева.

В то же мгновение в центральном раздался легкий хлопок, освещение погасло, и палуба стремительно стала уходить из-под ног.

– Боцман, рули на всплытие! – заорал Морев, вцепившись в поручень ограждения.

Через секунду все восстановилось, и с пульта ГЭУ последовал доклад об аварийном сбросе мощности реактора.

– Этого нам еще не хватало, – бросил Морев взгляд на механика. – Николай Львович, ты что, утопить нас хочешь?

– Сейчас разберусь, – ответил бледный капитан 2 ранга, и заспешил к трапу.

Чуть позже, по телефону, он сообщил, что вышел из строя насос циркуляционного контура и поломка устраняется.

– С чем и поздравляю, – буркнул командир. – Сколько вам нужно для этого времени?

– Пару часов, – сказал механик.

– Добро, – вщелкнул в штатив трубку Морев.

Произошедшее не было чем-то из рук вон выходящим. Тем более, что на корабле имелось две энергетических установки и автоматика в считанные секунды переключилась на вторую. А если бы нет? Ракетносец, хотя и оборудованный по последнему слову научной мысли, не был до конца идеален и при малейшей ошибке в управлении, мог выйти из-под контроля.

Морев поежился, вообразив, последствия. Оставшись без хода, крейсер ушел бы на запредельную глубину и был там раздавлен. Нечто подобное случилось в 1963 году с американской подлодкой «Трешер». По прошествии нескольких лет, останки атомохода обнаружили на десятикилометровой глубине в районе Марианской впадины.

Через два часа, вернувшись в центральный, механик доложил Мореву об устранении неисправности.

– Расплавился упорный подшипник, – сообщил он. – Поставили новый, из ЗИПа.

– Как там радиация, в норме? – вопросительно взглянул на него Морев.

– Дозиметрист измерял, была чуть повышена, но в пределах допустимого.

– Ну, что ж, будем служить дальше, – благосклонно кивнул командир.

Глава 3. Удар из пучины

В первые дни июля ракетносец вышел в заданный квадрат. Он находился в сотне миль северо-западнее Бермудских островов, и здесь надлежало провести месяц.

Этот граничащий с побережьем Флориды и Пуэрто-Рико, район Атлантики, был печально известным в мореплавании. На протяжении последнего столетия, при загадочных обстоятельствах, в нем бесследно исчезли более сотни морских и воздушных судов. Здесь же, в октябре 1986 года погибла советская атомная подводная лодка К-219. По официальной версии она затонула из-за проникновения воды в отсеки, объемного пожара и аварии реактора. Однако, что с ней произошло на самом деле, установить не удалось.

Как всякий офицер-подводник, будучи по природе фаталистом, Морев учитывал все это только в профессиональном плане, и в никакие сверх естественные силы не верил. Однако в морских логиях район значился опасным для плавания, и с этим следовало считаться. Тем более, что многие из членов экипажа в этих водах были впервые.

О том, что корабль прибыл в заданный квадрат и какой именно, вахтенные офицеры сообщили боевым сменам на разводах, и теперь эта тема живо обсуждалась в старшинской кают-компании и курилке. Причем, как это часто бывает у моряков в дальних плаваниях, старшие и умудренные опытом, разыгрывали и всячески подначивали младших. А те воспринимали услышанное неоднозначно. Психика у всех разная.

Чтобы исключить всяческие кривотолки по поводу загадочного «треугольника», влияющие на боеготовность экипажа, Сокуров предложил командиру организовать для мичманов и старшин соответствующую лекцию, тем более, что на корабле имелся человек, знающий о нем многое. Это был штурман, капитан – лейтенант Гальцев.

– Ну, что же, ваяйте, – согласился Морев. Лекция, дело хорошее.

Согласовав со штурманом время проведения, заместитель объявил об этом по корабельной трансляции. На следующий день, все свободные от вахт были собраны в старшинской кают-компании, на торцевой переборке которой, специально для этого случая была вывешена карта Атлантики.

Для начала, оглядев присутствующих, Башир Нухович поинтересовался, кому из них доводилось бывать в этих водах. Поднялись несколько рук.

– Вот видите, – сказал заместитель. – Кое-кто здесь уже был и ничего. Жив. Теперь ваша очередь. А чтоб знать, что и как, послушаем Геннадия Алексеевича, он, как штурман, введет вас в курс дела.

После этого слово было предоставлено Гальцеву и тот спросил у моряков, что им известно о Бермудском треугольнике.

– Хреновой это место, – буркнул сидящий в первом ряду Ксенженко. – Мы в прошлом плавании, тут чуть не потонули.

– Так, хорошо, – констатировал штурман. – Еще?

– На Бермудах отдыхают олигархи, – сказал интендант. – Там первоклассные отели и клевые телки, – подмигнул он соседу.

– Еще? – поинтересовался штурман.

– Да чего там, товарищ капитан-лейтенант, – улыбнулся один из старшин. – Все знают, что это аномальная зона и в ней исчезают суда. Но, что и как, мы не в курсе.

– Достойный ответ, – ткнул в него пальцем штурман. – А теперь слушайте.

И лектор совершил экскурс в историю, из которого следовало, что Бермудский архипелаг, представляющий из себя полторы сотни больших и малых, покрытых тропической растительностью коралловых островов, был открыт испанским мореплавателем Хуаном Бермудесом в 1503 году. Располагался он в северо – западной части Атлантики, находился на перекрестке морских путей и был лакомым куском для европейских морских держав. В итоге его прибрала к рукам Великобритания и сделала своей колонией.

Далее штурман рассказал о многочисленных морских сражениях, происходивших в этих водах, пиратах, флибустьерах и покоящихся на дне сокровищах, что вызвало живой интерес присутствующих. Оживился даже флегматичный Ксенженко.

– И это все под нами? – удивился он. – Да, то еще место, здесь не соскучишься.

– Именно так, – сказал Гальцев и рассказал, когда и по каким причинам эта часть океана стала называться Бермудским треугольником, какие морские и воздушные суда здесь исчезли, и что по данному поводу думает научный мир.

Все это время аудитория с интересом внимала рассказчику, а когда он закончил, последовал целый ряд самых разных вопросов. Одних интересовали причины столь загадочного явле-

ния, других ситуации, при которых исчезали суда, но никто не высказал опасений оказаться в числе пропавших. И это было неудивительно. Сказались особенности службы в подплаве, где такая вероятность присутствовала всегда.

На советском, а затем и российском флоте, подводников приучали к этой мысли постоянно, начиная со стен военно-морских училищ и заканчивая учебными отрядами подводного плавания. Более того, на берегу и в море, при заступлении на вахту, боевым сменам доводилась информация о наиболее серьезных, связанных с гибелью личного состава, авариях на подводных лодках. Это была жестокая, но жизненная необходимость. Накладывало свой отпечаток на психику подводников и постоянное общение с ядерным реактором и оружием. В результате, чем дольше они служили, тем более философски относились к бренности земного бытия.

После завершения лекции, оживленно переговариваясь, большая часть моряков направилась в курилку, обсудить то, что услышала, а некоторые остались в кают-компании «забивать морского козла». Эта издавна культивируемая на флоте игра, занимающая по популярности второе место после перетягивания каната, пользовалась в экипаже неизменным успехом. Правда, с некоторых пор, серьезную конкуренцию ей стали составлять нарды, но на корабле ими увлекались в основном офицеры.

...Потекли монотонные дни боевого дежурства. Таясь в глубинах, ракетносец неспешно бороздил отведенный ему для атаки квадрат. В строго определенные часы менялись вахты, дважды в сутки корабль подвсплывал на сеансы связи и, обменявшись с базой импульсом информации, снова растворялся во мраке.

Ход времени как бы замедлился и люди в прочном корпусе жили подобно автоматам. Вахта, сон, прием пищи, вахта. Периодически все это разнообразилось просмотром видеофильмов, посещением сауны и спортзала.

Для Морева и старших офицеров крейсера, служивших в подплаве не один десяток лет, все это было обыденным и привычным. Они давно свыклись с монотонностью и рутинной морской службы, и воспринимали все как должное. У более молодых членов экипажа в душе еще теплилась романтика дальних плаваний и их особое предназначение, вбитое в головы отцами-командирами.

На шестидесятые сутки плавания у многих стали отмечаться начальные признаки психологической усталости – раздражительность, замедленность реакции, нарушение сна и аппетита. Основной темой разговора стали береговые воспоминания и всевозможные, связанные с этим истории.

И тут заместитель, по опыту знавший, что в таких случаях следует делать, преподнес экипажу сюрприз. Еще до выхода он навестил в гарнизоне семьи всех офицеров и мичманов, у которых они были и, не афишируя этого, сделал аудио запись голосов их родных и близких. Жены, как правило, желали своим мужьям удачного плавания и скорейшего возвращения, а дети декламировали для них незатейливые стишки или исполняли песни.

В один из дней, согласовав этот вопрос с Моревым, Башир Нухович обратился к экипажу с этим важным сообщением и запустил по боевой трансляции соответствующую запись. Как известно, моряки не отличаются сентиментальностью, но каждый из подводников слушал ее, затаив дыхание. У тех же, чьи чада шепеляво читали стихи или пели песенки, глаза подозрительно блестели. Что делать, в дальних плаваниях все воспринимается не так, как на суше.

А еще через сутки, после завершения очередного сеанса связи, в центральном посту появился бледный техник ЗАС и вручил Мореву бланк полученной телеграммы. В ней предписывалось – ракетное оружие привести в полную боевую готовность, перейти в режим непрерывной связи и находиться в готовности немедленного применения ракет по специальному сигналу.

– Свободен, – бросил ему капитан 1 ранга, прочитав короткий текст. Вслед за этим на корабле сыграли боевую тревогу, крейсер всплыл на необходимую глубину и началась подготовка ракетного комплекса к старту.

Будучи военным и не первый год командуя стратегическим ракетоносцем, Морев отлично понимал, что кроется за этим приказом и воспринял его как должное. Перехватив тревожный взгляд старпома, он нахмурился и протянул ему бланк телеграммы.

– М-да, – пробормотал Круглов, пробежав текст глазами. – Такое на моей практике впервые.

– Все когда-то бывает впервые, – пробурчал Морев. – Сергей Ильич, – обернулся он в сторону принимающего доклады из ракетных отсеков вахтенного офицера, – вызови сюда заместителя.

Через несколько минут в центральный поднялся запыхавшийся Сокуров. Ознакомившись с переданной ему старпомом телеграммой, капитан 2 ранга судорожно сглотнул и устался на Морева.

– Такие вот дела, Башир Нухович, – констатировал тот. – Зачитайте текст боевому расчету ГКП*, – кивнул он на присутствующих в центральном.

Когда телеграмма была зачитана, в нем наступила гнетущая тишина, а потом кто-то из офицеров тихо спросил, – неужели это война?

– Не будем гадать, – коротко ответил Морев, встав с кресла. – Наше дело выполнять приказ.

После этого он быстро спустился в люк и направился в свою каюту. Там, набрав цифровой код, открыл дверцу командирского сейфа, откуда извлек пистолет и пакет с боевыми перфокартами. Сунув оружие в карман и закрыв сейф, Морев с пакетом в руке вернулся в центральный.

Чуть позже там появился Березин и попросил Морева показать ему телеграмму.

– Пожалуйста, – протянул он контрразведчику бланк.

– М-может это ошибка? – ознакомившись с текстом, заикаясь, произнес тот.

– И что вы предлагаете? – ответил вопросом на вопрос Морев.

– Я мог бы запросить подтверждение своего начальства, – поколебавшись, сказал Березин. – Если вы разрешите воспользоваться связью.

– Это исключено, – сказал Морев. – В данный момент корабль находится в боевом режиме и станции включены на прием.

– В таком случае, разрешите мне опросить шифровальщика, вдруг он чего-то напутал?

– Не возражаю, – последовал ответ. – Но только после отбоя тревоги. А сейчас прошу не мешать работе боевого расчета.

– Хорошо, – пробормотал старший лейтенант и, вернув Мореву телеграмму, неверными шагами двинулся к трапу.

– Эко его забрало, – проводил Березина неприязненным взглядом старпом.

– Александр Иванович, я с твоего разрешения к «засовцам», – сказал заместитель

– Давай, – согласился тот. – Заодно проверь там правильность дешифровки.

Когда от командира БЧ-2* поступил доклад о готовности ракетного комплекса к боевому использованию, напряжение в центральном возросло. Каждый думал о том, что произошло в том мире, откуда они пришли и каким будет очередной приказ из Москвы.

А на суше уже сутки шла ядерная война.

Началась она на Ближнем Востоке, банально просто и обыденно. В процессе все усиливающегося противостояния Израиля со странами исламского мира, он, осуществил очередной воздушный налет на атомные объекты Ирана. Тот ответил ракетными ударами по Тель-Авиву и Хайфе. В силу несовершенства, две из ракет отклонились от заданного курса и взорвались на территории Пакистана, который, посчитав их индийскими, нанес ядерный удар по Дели.

Далее сработал принцип «домино» и через несколько часов ракетным обстрелам подверглись территории еще нескольких государств Ближнего Востока.

Попытки ООН остановить все разрастающийся в Азии ядерный конфликт, ни к чему не привели, и он набирал обороты.

...Мертвенную тишину центрального разорвал зуммер корабельного телефона и, приложив трубку к уху, Морев услышал в ней взволнованный голос начальника радиотехнической службы.

– Товарищ командир, в океане отмечаются шумы, которые мы не можем классифицировать, – докладывал тот.

– Как это понимать? – нахмурился Морев. – Они что, внеземные?

– Трудно сказать, но явно новые и нам неизвестные.

Через пару минут встревоженный Морев был в рубке гидроакустиков. На экране станции отмечалось необычное свечение, а в наушниках, которые ему протянул акустик, слышался далекий, подобный эху гул.

– Такое впечатление, что «фонит» весь океан, – взглянув на командира, произнес с недоумением начальник. – Конкретного источника импульсов, аппаратура не фиксирует.

– Хорошо, – снял наушники Морев. – Продолжайте наблюдение. Скорее всего, где-то подводное извержение вулкана.

На самом деле он так не думал, все больше убеждаясь, что на материке разразился ядерный конфликт, и океан, как громадный резонатор, доносил его звуки в океанские глубины.

За долгие годы службы на атомном флоте, Морев неоднократно участвовал в учебных пусках межконтинентальных ракет и отлично представлял их разрушительную силу. Сброшенные в 1945 году американцами на Хиросиму и Нагасаки атомные бомбы, не шли ни в какое сравнение с тем, что имелось на борту его крейсера. Залп шестнадцати межконтинентальных ракет с разделяющимися ядерными зарядами, упрятанных в корабельные шахты, мог стереть с лица земли почти всю Европу или добрую часть Америки вместе со всеми их обитателями.

В памяти возникла давняя встреча с одним известным академиком из института Курчатова. Тогда группе командиров атомоходов, находившихся на переподготовке в Обнинске, была прочитана обзорная лекция по теории «ядерной зимы», которая произвела на них сильное впечатление.

Лекцию Морев пунктуально записал в свою офицерскую тетрадь, но теперь мало что помнил из нее.

– Вот и пришло время испытать эту теорию на собственной шкуре, – поежился он, и, связавшись по телефону с секретчиком, приказал тому принести тетрадь в центральный. Через несколько минут, поднявшись туда и расписавшись в формуляре, Морев уселся в свое командирское кресло и открыл объемистый фолиант в черной обложке. Скользя глазами по оглавлению, он нашел нужные страницы и углубился в исполненные аккуратным штурманским почерком строки:

« ...В результате серии ядерных ударов, возникнут множество независимых пожаров, которые объединяясь в один мощный очаг, образуют огненный смерч, который уничтожит миллионные города, как это отмечалось в Дрездене и Гамбурге в конце второй мировой войны.

Интенсивное выделение тепла в центре такого смерча поднимет вверх громадные массы воздуха, создавая ураганы у поверхности земли, которые будут подавать все новые порции кислорода к очагу пожара. Смерч поднимет в стратосферу дым, пыль и сажу, которые образуют тучу, закрывающую солнечный свет, после чего наступит «ядерная ночь» и, как следствие, «ядерная зима».

Данное характерно при использовании примерно семидесяти пяти процентов суммарного потенциала ядерных держав. Это так называемая всеобщая ядерная война, первичные,

немедленные последствия которой характеризуются огромными масштабами гибели и разрушений. При ином, «щадающем» сценарии, расходуется менее одного процента имеющегося в мире ядерного арсенала. Правда, и это восемь тысяч двести «хиросим», где только в первый день погибло более ста сорока тысяч человек.

Сажа, дым и пыль в атмосфере над регионами северного полушария, подвергшимися атакам, из-за глобальной циркуляции атмосферы распространятся на огромные площади, через две недели накрыв все Северное полушарие и частично Южное.

Немаловажно, сколько времени сажа и пыль будут находиться в атмосфере и создавать непрозрачную пелену. Находящиеся в них частицы аэрозоля будут оседать на землю под действием силы тяжести и вымываться дождями. Все это приведет к тому, что ядерная зима затянется на неопределенное время.

В итоге, главным климатическим эффектом ядерной войны, независимо от ее сценария, станет «ядерная зима» – резкое, сильное и длительное охлаждение воздуха над континентами. Особенно тяжелые последствия возможны летом, когда над сушей в Северном полушарии температура упадет ниже точки замерзания воды. Иными словами, все живое, что не сгорит в пожарах, вымерзнет.

«Ядерная зима» повлечет за собой лавину губительных эффектов. Это, прежде всего, резкие температурные контрасты между сушей и океаном, поскольку последний обладает огромной термической инерцией, и воздух над ним охладится гораздо слабее.

Образовавшиеся на огромных площадях мертвые леса станут материалом для вторичных лесных пожаров. Разложение этой мертвой органики приведет к выбросу в атмосферу большого количества углекислого газа, в результате чего нарушится глобальный цикл углерода. Уничтожение растительности, особенно в тропиках, вызовет активную эрозию почвы.

Помимо названного, «ядерная зима» несомненно, вызовет почти полное разрушение существующих ныне экосистем, столь важных для поддержания жизнедеятельности человека.

Критическая точка, после которой начнутся необратимые катастрофические изменения биосферы и климата Земли, уже определена. Ее «ядерный порог» очень невысок и составляет порядка ста мегатонн.

Никакая система противоракетной обороны не сможет быть на сто процентов непроницаемой и гарантировать хотя бы относительную безопасность того или иного государства. Между тем, для непоправимой беды хватит и одного процента существующего ядерного арсенала, что составляет примерно сотню боеголовок межконтинентальных баллистических ракет, по совокупной мощности равных пяти тысячам «хиросимам»...

Морев перевернул очередную страницу, но там начиналась новая, не относящаяся к прежней, тема.

– Что ж, – подумал он, – достаточно и этого. И впервые по настоящему ощутил неотвратимость того, что должно было произойти.

Смерти Морев не боялся. Он достаточно долго служил на лодках и свyksя с мыслью о ней. Уверен он был и в экипаже. Каждый, прослуживший в подплаве несколько лет, в море неизбежно превращался в боевого зомби, автоматически выполнявшего все то, что от него требовалось. Это подтверждал опыт прошлой войны, который постоянно культивировался и вбивался в головы всех последующих поколений подводников.

Обведя глазами напряженно застывший на своих местах боевой расчет, Морев приказал сидящему на рулях боцману точнее держать глубину и повернулся к старпому.

– Юрий Михайлович, зайди к ракетчикам, а затем проверь все другие боевые посты. Меня интересует психологическое состояние людей.

– Слушаюсь, – кивнул головой старпом и, прихватив с собой ПДУ, исчез в полумраке люка.

На третьем часе напряженного ожидания, на трапе звякнула ступенька и тяжело отдуваясь в центральный поднялся заместитель.

– Вот, – протянул он Мореву подрагивающий в руке бланк шифрограммы.

Чувствуя неотвратимое и каменея лицом, тот взял бланк и впился в него глазами. Там был приказ о нанесении ядерного удара десятью из шестнадцати ракет.

Чужим голосом командир оповестил об этом боевой расчет, на корабле сыграли тревогу, и крейсер стал выходить в ракетную атаку, совершая необходимые эволюции по глубине, скорости и курсу. В пульт управления ракетами были заложены извлеченные из пакета перфокарты. Затем Морев, заместитель и командир БЧ-2, вставив в него стрельбовые ключи, включили «ядерную кнопку». С этого момента пошел необратимый отсчет времени, отведенной автоматике для выполнения залпа. Вцепившись руками в подлокотники кресел, боевой расчет замер в напряженном ожидании.

Ровно через минуту корпус ракетноносца затрясся от титанических ударов, и отсеки наполнились глухим ревом.

Из шахт, одна за одной, стартовала и уносилась к поверхности ядерная смерть.

Как только автоматика подтвердила выход последней, бледный Морев отдал команду привести в исходное стартовый комплекс, после чего крейсер с дифферентом на нос ввинтился во мрак и на предельной скорости стал уходить из района старта.

В момент пуска ракет он, безусловно, был засечен из космоса, и со стороны США должен неизбежно последовать ответный удар.

Через несколько минут бешеной гонки, сзади раздался нарастающий гул, с подволока отсеков на головы подводников посыпались стекла плафонов, и ракетноносец завертело в гибельном водовороте пучин. Практически лишившись управления, он падал на дно.

Срываясь на крик и преодолевая оцепенение, Морев приказал уцепившемуся за пульт механику аварийно продуть концевые группы цистерн.

– Есть, – прохрипел тот и потянулся к панели управления

Спустя секунду ракетноносец вздрогнул от рева врывающегося в цистерны воздуха высокого давления, под ногами мелко завибрировала палуба, и гибельное падение замедлилось.

– Боцман! – рули на всплытие, в турбинном, прибавить оборотов! – выплевывал из себя команды Морев, впившись глазами в дрожащую стрелку глубиномера.

На тысячеметровой отметке ее ход замедлился, черное жало дрожа застыло и потом нехотя покатилося обратно.

– Девятьсот, восемьсот, семьсот... – шевеля побелевшими губами, выдыхал из себя каждый в центральном, словно молитву.

– Так держать, – сглотнул застывший в горле ком Морев, когда ракетноносец вышел на рабочую глубину и, смахнув ладонью катящийся со лба пот, обессилено откинулся в кресле.

Ни он, ни другие в центральном посту еще не верили, что пучина выпустила корабль из своих роковых объятий. Провалившись на запредельную глубину, он остался цел и, судя по всему, не особенно пострадал.

Вскоре это подтвердилось и поступившими из отсеков докладами. В девятом вышла из строя автоматика, а в первом разгерметизировалась аккумуляторная яма и произошла утечка водорода. Не считая многочисленных синяков и ушибов, легко отделалась и команда. Однако ее психологическое состояние внушало опасения.

Все без исключения были глубоко подавлены и опустошены. Каждый с ужасом понимал, что свершилось непоправимое и сейчас в адском смерче погибает все то, что есть на суше. В том числе их родные и близкие.

Как и следовало ожидать, Морев вернулся к реальности первым. Сказался груз ответственности и многолетний, доведенный до автоматизма опыт принятия решений. Первым делом следовало уйти в запасной район, выйти на связь с командованием и получить дальней-

шие указания. Согласно имеющейся на «особый период» инструкции, поставленную перед ним задачу корабль выполнил и должен следовать в базу. Если она, конечно, еще существует.

По канонам ядерной доктрины, которую знали все командиры стратегических ракетно-носцев, базы, как таковой, скорее всего, нет. Они уничтожаются в первую очередь. Это Морев понимал со всей очевидностью и особых иллюзий насчет ее существования не питал. Но гарнизон, откуда пришел в Атлантику его крейсер, был особым. Еще в советские времена, в базальтовом массиве примыкающих к морю сопок, на глубине более сотни метров, была создана вторая, предназначенная на «особый период» база, со всей необходимой для ведения ядерной войны инфраструктурой.

В ее громадном, сообщающемся с открытым морем пространстве, имелись пирсы и ракетные склады, плавкраны и мастерские, запасы продовольствия и медикаментов, а также оборудованный по последнему слову техники, запасной командный пункт со спутниковой системой связи. Именно туда, в эту подземную базу и должны были возвращаться, таясь в глубинах, уцелевшие после первого обмена ядерными ударами подводные крейсера и грузиться новым боезапасом. А потом, выходя в прибрежные воды, осуществлять новые пуски.

Дав необходимые распоряжения механику об устранении имеющихся повреждений, и убедившись, что тот все понял, Морев приказал заместителю и старпому захватить с собой оружие и обойти боевые посты.

– Может не стоит? – засомневался Сокуров. – Получается, мы как бы не доверяем команде.

– Наоборот, – сжал челюсти Морев. – Это приведет многих в себя.

– И я так считаю, – согласился с ним Круглов, отпирая оружейный сейф и извлекая оттуда две флотские кобуры с «макаровыми».

Когда проверив оружие, офицеры исчезли в люке, Морев нажал переключатель «каштана» и поднес ко рту микрофон.

– Говорит командир, – разнеслось по отсекам. – По приказу Верховного главнокомандующего мы нанесли ракетный удар по Соединенным Штатам Америки и следуем в базу. За качественное выполнение боевой задачи, экипажу объявляю благодарность.

– Есть первый, есть второй, есть третий..., – поочередно замигали световые сигналы на пульте.

Через полчаса вернулись заместитель со старпомом и сообщили, что боевые посты проверены, личный состав в порядке.

– Добро, – кивнул головой Морев. – Михаил Иванович, – обратился он к делающему записи в вахтенном журнале помощнику, – объявите отбой боевой тревоги. Команде обедать. Всем двойная порция вина.

После этого, захватив ПДУ, Морев спустился вниз и отправился в свою каюту. Там, плотно прикрыв за собой дверь и щелкнув замком, он включил настольную лампу, обессилено присел на диван и бездумно уставился в пространство. Затем, тяжело вздохнув, извлек из небольшого, встроенного в переборку холодильника запотевшую бутылку «Каспия» и, отвернув пробку, плеснул янтарной жидкости во взятый с полки стакан. Выпив коньяк и поставив бутылку на место, Морев взглянул на часы.

– А ведь они отсчитывают новое время, – промелькнуло в голове. И есть ли в нем его жена, дочь и родители? Ростов – на – Дону крупнейший индустриальный центр юга России и по планам НАТО подлежит уничтожению в первую очередь. Это Морев знал наверняка, что еще больше усиливало его душевную боль и тревогу.

Взяв с книжной полки оправленную в рамку фотографию жены с дочерью, где они были сняты прошлым летом на живописном берегу Дона, веселыми и беззаботными, Морев долго смотрел на нее затуманенным взглядом, а потом осторожно вернул обратно.

– А сколько таких женщин и детей я убил несколько часов назад? – неожиданно подумал он и вздрогнул от этой мысли. Проклятая служба, – закрипел он зубами и до боли сжал кулаки. Затем подошел к умывальнику, открыл кран и сунул голову под холодную струю. Стало чуть легче.

В кают-компании он появился как всегда, в свежей кремовой рубашке с сияющими золотом погонами, свежий и невозмутимый. К этому обязывал статус командира. Обед шел в полном молчании и разительно напоминал поминки. Офицеры выглядели мрачно, подавлено и при взгляде на командира отводили глаза. Морев отлично понимал, что каждый из этих, немало повидавших и далеких от сантиментов людей, испытывают те же чувства, что и он.

Отказавшись от вина, Морев через силу проглотил обед и попросил сидящего рядом заместителя, вяло ковыряющего вилок шницель, собрать в кают-компании после обеда, всех командиров боевых частей и начальников служб.

– Хорошо, – с непроницаемым лицом ответил тот. – С людьми обязательно нужно поговорить. Только что мы им скажем?

– Я найду что, – нахмурился Морев и, встав из-за стола, направился в центральный пост.

Через час в кают-компании собрались все приглашенные. Они расселись по своим местам и в ожидании командира тихо обменивались короткими фразами.

– Товарищи офицеры!, – скомандовал при появлении Морева, сопровождаемого заместителем старпом, и все встали.

– Садитесь, – махнул тот рукой и занял свое место.

С минуту Морев неподвижно сидел в кресле, собираясь с мыслями, а затем встал и обвел всех взглядом.

– Я собрал вас для того, – сказал он тихо, но внушительно, – чтобы напомнить, профессию военного каждый из нас избрал сознательно и добровольно. И то, что произошло сегодня, является ее закономерным проявлением. А поэтому прошу и дальше исполнять свой долг, как того требует присяга и отбросить прочь любые сомнения в правомерности наших действий. Я уверен, эту войну начали не мы.

Второе – судьба наших родных и близких. Все вы офицеры-атомщики и отлично представляете то, что происходит на суше. А значит, как бы тяжело не было, всяческие переживания и эмоции на этот счет отставить. На вас смотрят подчиненные.

Теперь третье, и главное – психологическое состояние вашего личного состава. Прошу доложить по боевым частям и службам. Вы первый, Геннадий Алексеевич, – кивнул Морев штурману.

– С моими штурманскими электриками и боцманами все в порядке, – встал со своего места Гальцев. – Настроение конечно не на высоте, но вахту несут исправно.

Аналогично высказались и другие, за исключением командира дивизиона живучести. После ракетного залпа с одним из его подчиненных случилась истерика, и он находился в санчасти.

– Очень уж этот Иевлев впечатлительный, – сокрушенно вздохнул пожилой капитан 3 ранга. – И есть отчего – раньше был журналистом.

– Сергей Васильевич, – нашел Морев глазами начальника медслужбы, – что с парнем?

– Ничего страшного, товарищ командир, – ответил тот, – последствия стресса. Дал ему успокоительное, сейчас спит. Кстати, примерно такое же случилось и с особистом. Тому пришлось сделать инъекцию промидола.

Только сейчас Морев заметил, что Березина нет среди офицеров, что, впрочем, было ему абсолютно безразлично.

– А можете ли вы что-либо предпринять, чтобы исключить такие случаи? – поинтересовался у врача заместитель.

– От стресса, да еще в таких условиях, никто гарантирован, – подумав, ответил Алубин. – Но с сегодняшнего дня я увеличу дозу брома в котловом довольствии личного состава. Он успокаивает. И еще бы я попросил вас, Михаил Иванович, – обратился он к помощнику, обязать всех свободных от вахт, ежедневно посещать бассейн или сауну. Водные процедуры очень полезны для психики.

– Михаил Иванович, – займись этим вплотную, одобрил предложение доктора Морев. После этого он поинтересовался у начхима состоянием радиационной безопасности на корабле.

– Радиоактивный фон в пределах нормы, пробы воздуха и воды опасений не вызывают, – без колебаний ответил тот. Кроме того, я приказал усилить дозиметрический контроль в отсеках.

– Принимается, – кивнул головой Морев. – С сегодняшнего дня, вместе со старпомом, организуйте тренировки личного состава по защите от оружия массового поражения, а заодно проведите ревизию всех имеющихся на корабле индивидуальных средств химзащиты. Кстати, Иван Артемович, я уж и не припомню, когда это делалось в последний раз.

– Слушаюсь, – потупился капитан-лейтенант и сел на свое место.

– Надеюсь, все понятно? – обвел Морев взглядом присутствующих. – В таком случае, все свободны. Прошу приступить к своим обязанностям.

Как только он появился в центральном, стоявший на вахте Пыльников встревожено сообщил, что ему пришлось уменьшить глубину хода, вследствие резкого повышения рельефа дна.

– Какое еще изменение? – уставился на него Морев. – По логии, в этом районе она больше пяти километров.

– Именно так, – согласился Пыльников. – Я специально уточнил у штурманов. Но гидроакустики выдают совсем иное – четыреста метров.

В прошлом Морев сам был штурманом и не раз сталкивался с подобными явлениями. В океане непрерывно происходили глубинные процессы, вызывающие подвижку земной коры и рельеф дна менялась. Но его озадачила слишком уж большая разница. Отклонение в несколько километров, было чем-то новым. После этого в центральный незамедлительно были вызваны начальник РТС со штурманом, каждый из которых стал доказывать свою правоту. Выслушав их, Морев принял сторону акустиков – в данном случае он больше полагался на технику.

В полночь, удалившись от места атаки на значительное расстояние, подвсплыли на очередной сеанс связи. Поднявшись в сырой полумрак боевой рубки, Морев с внутренним трепетом поднял перископ, ожидая увидеть что-нибудь вроде начала «ядерной зимы» и ошибся. В темном куполе неба, как всегда, блестели мириады звезд, а до горизонта расстилалась фосфоресцирующая от многочисленного планктона, ультрамариновая синь океана.

Облегченно вздохнув, он стал привычно осматривать горизонт и в это время в рубку поступил доклад об обнаружении станцией РЛС неизвестного объекта. Получив его координаты, Морев повернул перископ вправо и едва не вскрикнул от удивления. На расстоянии нескольких миль, параллельно их курсу шло парусное судно.

– Что за черт, откуда оно здесь? – пробормотал Морев, вплотную прильнув к пористой резине визира. В нем четко просматривался неизвестный корабль, призраком скользящий по волнам. На палубе, под светлой громадой парусов и высоком мостике на корме, виднелись четкие силуэты людей.

– Мираж, или я схожу с ума, – промелькнуло в голове, и он на секунду зажмурил глаза. Снова открыл. Все оставалось по – прежнему.

Вспомнив, что перископ оборудован фотокамерой, Морев лихорадочно нащупал нужную кнопку и сделал несколько снимков. Затем, протянув руку к переборке, нажал тумблер висящего там «каштана» и снова запросил радиометриста наличие цели.

– Слабый сигнал по пеленгу двадцать, дистанция десять – металлически донеслось из динамика. – Пеленг меняется вправо...

– Есть, – буркнул Морев, после чего извлек из камеры кассету и, опустив перископ, шагнул в шахту люка.

– Ну, как там наверху? – тихо поинтересовался старпом, как только он ступил на палубный мат под люком.

– Нормально, – ответил Морев, наблюдая как тот задраивает тяжелую крышку. – На вот, поручи начальнику РТС срочно обработать и принеси мне, – протянул он старпому кассету.

– Есть, – кивнул Круглов и направился к ведущему на нижнюю палубу трапу. Внизу он с кем-то столкнулся, послышалось крепкое словцо, и из люка возникла бритая голова в пилотке.

– Прошу разрешения в центральный, – бормотнул, переступая комингс, взмыленный шифровальщик и, подойдя к Мореву, сбивчиво доложил, что сеанс связи не состоялся.

– Скверно, – нахмурился командир, – что-нибудь с комплексом?

– Нет, система в порядке, – сглотнул слюну мичман. – Не было сигнала со спутника. Он не появился в зоне приема.

– Этого нам только не хватало, – процедил Морев. Сейчас ему как никогда требовалась связь с берегом и информация о том, что произошло. Отсутствие спутникового сигнала в нужное время не было чем-то из рук вон выходящим. Такое порой случалось из-за погодных условий. А может спутника уже нет? – шевельнулось в мозгу, и он тут же отогнал от себя эту мысль. Все выяснится через несколько часов, при повторном сеансе.

– Хорошо, идите и будьте наготове, – бросил он шифровальщику.

– Есть, – бросил тот руку к пилотке и скользнул в люк. А Морев, сцепив за спиной руки, стал неспешно прохаживаться по центральному, анализируя все то, что произошло в последние часы.

Его размышления прервал появившийся в центральном старпом.

– Все готово, – сказал он ступив на палубу и протянул Мореву серебристый брелок флеш-памяти.

– Ну, что ж, пойдем взглянем, что получилось, – сказал тот и они отправились в командирскую каюту.

Там Морев извлек из стола ноутбук, включил его, вставил «флэшку» в гнездо и активировал ее. На мерцающем экране появился снимок парусника. Отображенный цифровой камерой в инфракрасных лучах, корабль выглядел неправдоподобно четко и величественно. Черный корпус, с идущей по всей длине широкой желтой полосой, закрытыми орудийными портами и вычурно оформленным мостиком на корме; три вздымающихся в небо мачты с белоснежными пирамидами парусов; далеко выдающийся вперед бушприт и силуэты моряков, застывшие в разных местах, казались нереальными.

– И что ты думаешь по этому поводу, Юрий Михайлович? – сказал Морев, когда они просмотрели все пять снимков и выжидательно уставился на старпома.

– Чертовщина какая-то, – озадаченно ответил тот. – Парусное судно в самом центре Атлантики, да еще в военное время? Глазам не верится.

– Я тоже сначала не поверил, но это факт, – ткнул пальцем в экран Морев. – Сейчас таких кораблей единицы. Я, например, знаю только наш, «Крузенштерн». А на этом, судя по виду, флаг Великобритании.

– Да, вроде он, – пристально вглядываясь в экран, – согласился старпом. – Нужно пригласить командира турбинной группы. Он ведь у нас яхтсмен.

– Вот как? – удивился Морев. – А по виду не скажешь. Давай – ка его сюда.

Старпом выщелкнул из переборки трубку и приложил ее к уху.

– Турбинный? Это Круглов. Срочно найдите Юргенса и пришлите в каюту командира. Через несколько минут в дверь постучали и она откатилась в сторону.

– Прошу разрешения, товарищ командир, – с легким акцентом произнес стоящий в проеме хрупкий светловолосый парень.

– Входите лейтенант, – сказал Морев. – Так вы у нас яхтсмен?

– Да, – чуть улыбнулся тот. – Занимался этим спортом в школе, а потом в училище. Участвовал в нескольких рег-гатах на Балтике.

– В парусниках разбираетесь?

– Нем-много.

– Что можете сказать об этом корабле? – кивнул Морев на экран ноутбука.

– Судя по виду и оснастке, эт-то английский фрегат восемнадцатого века, – наклонившись к столу, уверенно сказал лейтенант.

– А вы не ошибаетесь?

– Нет. У меня в кают-те есть справочник по истории парусного флота. Захватил в плавание, почитать на досуге. Эт-то точно фрегат. К сожалению их больше не существует.

– М-да, – переглянулся Морев со старпомом. – Дело в том, Оскар Викторович, что я наблюдал этот корабль около часа назад, во время сеанса связи и заснял его на фотокамеру.

– Вот как? – ошарашено произнес лейтенант. – Но современных парусных кораблей сейчас ед-диницы. И фрегатов в их числе них. Эт-то я знаю наверняка.

– А если его недавно построили и не успели внести в регистр? – высказал предположение старпом.

– Т-такое вполне возможно, – подумав, ответил лейтенант. Сейчас эт-то модно.

– Ну, что же, спасибо за консультацию, – сказал Морев, обращаясь к Юргенсу. – О том что видели, прошу не распространяться. Надеюсь, вы меня понимаете?

– Понимаю, – ответил офицер.

– В таком случае возвращайтесь к своим обязанностям.

Когда дверь за лейтенантом закрылась, Морев с минуту задумчиво барабанил пальцами по столу, а затем, приняв для себя какое-то решение, развернулся в кресле к старпому.

– Возьмем за основу твое мнение, Юрий Михайлович. Оно достаточно убедительно.

Затем выключил ноутбук и вернул «флэшку» Круглову.

Глава 4. Затерянные во времени

В течение следующих суток ракетносец трижды всплывал к поверхности и, выпустив параван антенны, пытался установить связь с базой. Эфир молчал. Командир БЧ-4 и начальник РТС вместе со своими подчиненными скрупулезно проверили состояние всего радиопередающего комплекса субмарины – он был в порядке.

– Нарушена связь в космосе или на материке, – категорично заявили они Мореву, что не прибавило ему настроения. Впрочем, удивляться этому не приходилось. По канонам войны, в целях дезорганизации противника, средства связи уничтожались в первую очередь.

– В таком случае, – решил Морев, – как только выйдем к Азорским островам, займемся перехватом натовских радиосигналов. Тем более, что у нас для этого имеется все необходимое.

– Не беспокойтесь, Александр Иванович, – заверили его офицеры. – Радиоперехват мы организуем по высшему разряду. Ну а дешифровку по мере сил.

По данным разведки флота и собственному опыту Морев знал, что этот экзотический, принадлежащий Португалии архипелаг, ежегодно посещаемый массой туристов и лежащий на пересечении морских и воздушных путей между Америкой и Европой, является мощным форпостом НАТО. Он буквально напичкан различными военными объектами, самый крупный из которых – база стратегической авиации ВВС США на острове Терсейра. Все это круглосуточно ведет радиообмен на самых разных частотах, и вполне возможно, что им удастся этим воспользоваться. Главное скрытно и как можно ближе, подойти к островам.

Спустя несколько часов, учитывая дальность действия корабельных электронных систем, вместе со старпомом, начальником РТС и штурманом, Морев произвел целую серию необходимых расчетов и скорректировал дальнейший курс корабля. Теперь он проходил в непосредственной близости от архипелага. Это было вопиющим нарушением штабных инструкций, но иного выхода не было.

Между тем на экипаже все сильнее сказывались длительность плавания, отсутствие свежего воздуха и солнечного света. Несмотря на предпринимаемые помощником и врачом усилия, которые сводились к ежедневному купанию подводников в душе и бассейне, а также кварцеванию и выдаче им поливитаминов, у многих стали проявляться вялость, сонливость и апатия.

К Алубину все чаще обращались с жалобами на головокружение, боль в суставах и упадок сил. У двух молодых старшин – контрактников обнаружились явные признаки цинги. Да и питание желало быть лучшим. Свежие продукты давно закончились, а спиртовой хлеб*, галеты и всевозможные консерванты, вызывали отвращение. Отдавало тухлым и вымороженное в корабельных провизионках мясо. После очередного приема пищи вестовые, бранясь, тащили с камбуза в трюм полные отходов пластиковые контейнеры, которые через дуковское устройство выстреливались за борт и пожирались сопровождавшими лодку акулами.

Чтобы хоть как-то разнообразить рацион, помощник приказал интенданту и кокам организовать регулярную выпечку свежего хлеба, из имевшегося на корабле небольшого запаса муки, а также увеличить порции сублимированного кефира, который, как и прежде, оставался востребованным.

На подходе к Азорам на крейсере вновь воцарил режим тишины, и все погрузились в тревожное ожидание. Все понимали, что в случае обнаружения здесь российской подлодки, она неминуемо будет уничтожена. Следуя на предельной глубине и подойдя к архипелагу на дистанцию устойчивой работы гидролокационного комплекса, Морев несколько раз подвсплывал, давая операторам возможность прослушивания эфира. Но, увы. Даже слабых сигналов там не возникало.

Когда в один из таких дней, рассматривая у себя в каюте исперещенную пометками лощу, он мучительно размышлял, стоит здесь задержаться еще на несколько суток или следовать дальше, Морев неожиданно вызвали в центральный.

– Акустики фиксируют непонятные шумы на поверхности, – доложил встревоженный старпом.

– Что ж, послушаем, – сказал, выслушав его Морев, и спустился на нижнюю палубу.

В гидроакустической рубке, кроме оператора, находились Ванин и начальник РТС капитан-лейтенант Бельский. При появлении командира Бельский сообщил, что на протяжении нескольких минут станция фиксирует устойчивые шумы на поверхности.

– Очень похоже на надводные взрывы, вот послушайте, – сказал начальник и, сняв с головы наушники, протянул их Мореву. Тот приложил один к уху и сразу же различил неясные звуки, вроде тихих шлепков по воде.

– Каковы дистанция и пеленг? – бросил Морев в затылок оператору.

– Дистанция пятьсот, пеленг восемьдесят, незначительно меняется вправо, – не отрываясь от экрана, доложил тот.

– Валерий Петрович, удерживайте контакт, – вернул наушники Морев Бельскому, – сейчас всплывем под перископ. И вышел из рубки.

Поднявшись в центральный, он приказал Круглову объявить боевую тревогу, приготовить к стрельбе торпедные аппараты и всплывать на перископную глубину. А когда стрелка глубиномера застыла на пятидесяти метрах, сдвинул на затылок пилотку и полез в рубку. Там, ступив на холодящую ноги площадку, он привычно нажал кнопку подъема перископа, просле-

див за его подъемом, отбросил в стороны рукояти управления и, затаив дыхание, приник к визиру.

В глаза ударили ослепительный солнечный свет и бескрайняя синь океана.

Погнав тихо жужжащий перископ по кругу, Морев остановил его движение на нужном градусе и издал возглас удивления. У туманного горизонта, белея парусами, призрачно скользили друг за другом два корабля. Время от времени они сходились почти вплотную, окутывались густыми клубами дыма и на миг исчезали. Затем возникали вновь.

Не веря глазам, Морев на мгновение отпрянул от перископа, мазнул по ним рукавом и снова прильнул к визиру. Сомнений не было, парусники вели бой.

– Но это невозможно! Такого не может быть! – пульсировало в мозгу.

В следующее мгновение он протянул руку к «каштану» и вызвал в рубку старпома. Как только темная фигура Круглова возникла из люка, Морев шагнул в сторону и ткнул пальцем в перископ, – посмотри, Юра, – изменившимся голосом сказал он.

– Твою мать, – ошарашено прошептал старпом через мгновение и, оторвавшись от визира, непонимающе уставился на Морева. – Это что, мираж?

– Вряд ли, – ответил Морев. – Скорее всего, аномалия. Давай вниз, подойдем поближе.

– Понял, – кивнул старпом и быстро исчез в люке.

Вернувшись к перископу, Морев продолжил наблюдение, все больше утверждаясь в своей догадке. В последние годы об этих странных явлениях не раз сообщалось в прессе и по телевидению. Смущало единственное – то что увидели они с Кругловым, скорее всего было материальным, поскольку фиксировалось техническими средствами.

Между тем, апогей боя нарастал. Корабли сошлись почти вплотную, и при очередном залпе палуба одного вспучилась, раскрылась подобно цветочному бутону и вверх полетели обломки мачт и такелажа. А еще через минуту, пылая огромным факелом, он исчез в пучине. Второй же корабль, лег на новый галс и вскоре исчез за горизонтом.

– Лихо, – пробормотал Морев, – лучше всякого кино, и отдал приказ вниз, следовать к месту потопления судна. Вскоре в визире на волнах закачались обломки корабельной обшивки, часть мачты с волочащимися за ней снастями, несколько плавающих бочонков и ящиков. Людей в воде не было.

– Неудивительно после такого взрыва, – подумал Морев, внимательно осматривая плавающий хлам. Внезапно на визир наплыло какое-то расплывчатое пятно, превратившееся в громадные человеческие глаза, и все исчезло.

– Морев от неожиданности вздрогнул и в следующую секунду понял – наверху был человек, вцепившийся в оптику перископа. Решение возникло мгновенно – всплыть и спасти гибнущего моряка. Через минуту, тяжело сопя, в рубке стояли двое старшин с бухтой троса и, вытащив глаза, слушали командира.

– Все понятно? – закончил он короткий инструктаж.

– Точно так, – выдохнули они.

– Старпом, всплываем в позиционное! – рявкнул Морев в «каштан», и как только крейсер вздрогнул от гула сжатого воздуха, нажал кнопку опускания перископа.

Едва стрелка глубиномера коснулась нуля, все трое покарабкались вверх, и Морев с натугой отдраил рубочный люк. В свисте перепада давления и струях льющейся из шпигатов воды, они выскочили на скользкий мостик, и командир первым метнулся к штанге опущенного перископа. Намертво вцепившись в нее руками, там висел человек.

– Быстро спускаем вниз, – прохрипел он, с трудом отрывая руки незнакомца от металла, и старшины сопя потащили неподвижное тело к люку. Через минуту, захлестнутое подмышками петлей троса, оно исчезло в полумраке шахты.

Когда задрав за собой люк и отдав из рубки команду на погружение, Морев обессилено сполз в центральный, неизвестный лежал на отодвинутом в сторону мате, а над ним молча

хлопотал Алубин. Рядом, тихо переговариваясь, стояли заместитель, старпом и помощник, а со своих кресел у пультов и станций, на незнакомца во все глаза пялился боевой расчет.

– Прошу вахту не отвлекаться и исполнять свои обязанности! – рыкнул на них Морев. – Ну, как, доктор, он, жив?

– Вполне, – кивнул головой Алубин. – Думаю, скоро придет в себя.

– В таком случае, поместите его в изолятор, и как только очнется, сообщите мне.

– Слушаюсь, – сказал Алубин. – Интересно, однако, этот парень выглядит, – кивнул он на лежащего.

Перед ними был довольно молодой человек, в синем форменном мундире с золочеными пуговицами, коротких белых штанах и длинными спутанными волосами.

Ничего не ответив, Морев устало присел в свое кресло и молча наблюдал, как вызванные Алубиным санитары осторожно поместили незнакомца на носилки, пристегнули его ремнями и бережно спустили в люк.

– Гарик Данилович, – обернулся он к вахтенному офицеру, – отбой тревоги. Аппараты в исходное.

– Отбой боевой тревоги! Торпедные аппараты привести в исходное! – металлически разнеслось по кораблю.

После этого, пригласив с собой заместителя, старпома и помощника, Морев направился к себе в каюту.

– Итак, что мы имеем, – устало обратился он к офицерам, плотно задвинув дверь и подождав, пока те усядутся. – Сначала фотоснимки фрегата, затем этот бой наверху и, наконец, спасенного моряка.

– Судя по всему, он офицер, – вставил старпом.

– Вполне возможно, – согласился Морев. – И в ближайшее время мы все это узнаем. Сейчас же я попрошу вас, – обвел он тяжелым взглядом подчиненных, – исключить на корабле всяческие нездоровые кривотолки. Личный состав должен исправно нести службу. А когда во всем разберемся, официально проинформируем команду. Все ясно?

– Ясно, – ответил за всех Сокуров.

– В таком случае, прошу по своим местам.

Спустя час, в центральном раздался долгожданный звонок, и Алубин возбужденно сообщил Мореву, что неизвестный очнулся.

– Как он, говорить может? – напряженно бросил тот в трубку

– Да, больной контактен, и, судя, по всему, англичанин, – заявил врач.

– С чего это вы взяли?

– Здесь у меня Березин, он в совершенстве владеет английским.

– Вот как? – вскинул брови Морев. – Хорошо. Сейчас буду у вас.

Вщелкнув в штатив трубку, Морев пригласил с собой заместителя, они быстро спустились вниз и в полном молчании направились в сторону кормы. Миновав два отсека, офицеры подошли к расположенной на средней палубе одного из ракетных отсеков глухой металлической двери, и Морев потянул ее на себя. В сияющей стерильной белизней и никелем прохладной амбулатории, на кушетке, укрытый шерстяным одеялом и с подушкой под головой, лежал неизвестный, а напротив, о чем-то тихо беседуя, сидели на узком диване особист и доктор. При появлении командира они встали и Алубин доложил, что его пациент несколько минут назад пришел в сознание и может говорить.

– Отлично, – сказал Морев. – А вы что, знаете английский? – взглянул он на Березина.

– Да, и достаточно хорошо, – сказал старший лейтенант.

– А с чего вы решили, что спасенный моряк англичанин? – поинтересовался у него Сокуров.

– В бреду он бормотал английские слова, а когда пришел в себя, спросил, где находится.

– И что вы ответили?

– У друзей, и с ним сейчас будет говорить командир.

Все это время англичанин лежал молча и недоуменно взирал на присутствующих.

– Ну что же, – присел на диван Морев. – Спросите, кто он, откуда, и что случилось наверху.

Внимательно выслушав Березина, лежащий оживился и хрипло произнес несколько фраз.

– Его зовут Ричард Браун. Он второй лейтенант с английского фрегата «Лоустофф», – перевел контрразведчик. – Фрегат вел бой с голландским линейным кораблем.

– Йес, йес, – энергично закивал головой англичанин, – «Редитабль».

– А разве Англия находится в состоянии войны с Голландией? – задал второй вопрос Морев. Березин перевел.

Лейтенант еще что-то сказал, и у Березина отвисла челюсть.

– Ну же, переводите, Геннадий Петрович, – нетерпеливо уставился на него Сокуров. Что он лопочет?

– Он..., он говорит, – запинаясь выдал контрразведчик, – что это именно так. Они ведут войну с голландцами, оказывающим помощь американским повстанцам.

– Американским повстанцам? – переглянулся Морев с Сокуровым. – В таком случае, спросите, какой сейчас год.

– Одна тысяча семьсот восьмидесятый, – раздельно произнес контрразведчик и непонимающе уставился на доктора.

– М-да, – почесал в затылке Алубин. – Все что он сказал, выглядит странно, но, судя по поведению, этот Браун вполне вменяем. И вот еще, что. В карманах его одежды я обнаружил любопытные вещи.

– И где это все? – вскинул на него глаза Морев.

– Вот, – сказал врач и, выдвинув один из ящиков стола, поочередно извлек из него массивные карманные часы, необычной формы кошелок и серебряный свисток на цепочке.

– Золотые, – пробормотал заместитель, взвесив часы на руке, и отщелкнул крышку. На ее тыльной стороне были выгравированы инициалы «R.B.» и год «1778». В кошельке оказались несколько монет с профилем какого-то монарха и равносторонним крестом на оборотной стороне.

– Это английские гинеи времен Георга II – демонстрируя одну из монет, сказал доктор. – Я когда-то увлекался нумизматикой и видел такие.

– Час от часу не легче, – вытер Сокуров платком вспотевший лоб. – Александр Иванович, прямо чертовщина какая-то! – развел он руками.

В это время молча наблюдавший за всем происходившим Браун, попытался подняться и что-то быстро забормотал.

– Он говорит, что дарит нам эти вещи, – перевел Березин.

– Еще чего, – буркнул Морев. – Сергей Васильевич, уберите все обратно. А вы Геннадий Петрович, – обратился он к Березину, спросите у парня, что ему известно о России.

– О, рашен?! – округлил глаза Браун, выслушав очередной вопрос и произнес несколько коротких фраз.

– Гм-м, – смутился Березин. – С его слов это северная варварская страна, в которой правит женщина.

– Ну что ж, довольно, – нахмурившись, сказал Морев. – Пусть отдыхает. Сергей Васильевич, позаботьтесь о нашем госте. А вы – обратился он к Березину, – не допускайте к англичанину любопытных.

После этого, пожелав Брауну скорейшего выздоровления, они с заместителем покинули амбулаторию.

Спустя час, Морев приказал помощнику собрать в кают – компании весь командный состав корабля и поделился с офицерами имеющейся у него информацией.

– Все это выглядит фантастически, – сказал он в завершение, – но, судя по всему, мы попали в какое-то иное временное измерение.

На несколько минут в кают-компании возникла мертвая тишина, которую первым нарушил механик.

– А что, это вполне возможно, – тихо сказал он. – Вспомните случай с американским эсминцем «Элдридж». Об этом писали в «Морском сборнике».

– Писали, – сказал сидящий с ним рядом минер, – а потом все похерили. Оказалось фальшивкой.

– Судя по всему, эти странности стали отмечаться после Бермудского треугольника, – высказал свое мнение начхим.

– Ну и что? – непонимающе уставился на него командир дивизиона живучести.

– А то, что там бесследно исчез не один десяток кораблей и самолетов. А на дне ничего нет. Может и нас занесло черт знает куда?

Ответом было тягостное молчание.

– Ну, как, все высказались? – сказал Морев, окинув взглядом напряженно застывших на своих местах офицеров. – А теперь слушайте меня.

Как бы там ни было, нам нужно дойти до базы. На месте разберемся, что и как. А пока прошу уделять больше внимания подчиненным, у них выдержки и опыта, несоизмеримо меньше, чем у вас. И последнее, по поводу спасенного нами моряка. Он англичанин с погибшего судна, перенес нервный шок и будет находиться под присмотром доктора. О чем можете сообщить мичманам и старшинам, но безо всяких домыслов. На этом все. Прошу всех приступить к своим обязанностям.

– Да, – проводив взглядом последнего вышедшего из кают-компаний офицера, – вздохнув, сказал Сокуров. – Огорошил ты их, Александр Иванович.

– А что прикажешь делать? – жестко ответил Морев. – Или пусть теряются в догадках? Это не самое лучшее в нашем положении...

По мере продвижения к северу, температура в отсеках падала, и экипаж почувствовал некоторое облегчение. Через неделю, в районе Исландской котловины, при очередной попытке выхода на связь, Морев снова зафиксировал в перископ парусное судно, следующее в западном направлении. Вскоре его мачты исчезли за горизонтом, усилив уверенность Морева в правильности его предположения. Об этом же свидетельствовали и еще несколько бесед с Брауном, которые он провел с участием особиста. Однако, оправившись от последствий первого шока, тот вскоре испытал второй – от знакомства с кораблем. Его приводило в изумление все то, что пришлось увидеть, и это было неудивительно. Когда лейтенанту сообщили, что он не пленник и после возвращения в базу будет отпущен на родину, Браун заметно воспрянул духом и повеселел.

На подходе к Фарерским островам, зная, что там располагается военно-морская база Дании и мощный радиолокационный комплекс НАТО, Морев снова приказал организовать тщательное прослушивание эфира. Но, как и прежде, даже слабого сигнала с побережья, чуткая аппаратура так и не уловила. Зато их было в избытке в море. Гидроакустики постоянно фиксировали громадные косяки рыб, дельфины и даже китовые стаи, пробы заборной воды поражали своей чистотой. Все это отмечалось и при движении ракетноносца вдоль побережья Скандинавии. Оно было погружено в радиомолчание. Никак не проявила себя и злобная «Сосус» при прохождении Нордкапа.

Наконец долгожданная команда, – по местам стоять к всплытию!

Рев сжатого воздуха в отсеках, вибрация корабельных палуб и арматуры, непередаваемое ощущение полета.

Отдраив свистящий люк, одетый в канадку и штормовые сапоги Морев неуклюже шагнул на мостик и задохнулся от хлынувшего в легкие влажного холодного ветра. Вслед за ним в рубке появились облаченные по штормовому заместитель, старпом и боцман.

– Перейти на управление с мостика, – приказал Морев боцману и вскинул к глазам бинокль. Пустынное море с гулом катило пенные свинцовые валы к низкому, покрытому тучами, горизонту.

– А ведь уже осень, – с тоской подумал Морев и, назвав боцману курс, обернулся к старпому.

– Сейчас подойдем к заливу, и если там нет сигнальных буюв, идем в Архангельск, – сказал он.

– Да, без них в узкость соваться рискованно, – согласился Круглов с Сокуровым.

– Начать вентиляцию отсеков, – бросил в «каштан» Морев и через минуту внизу утробно загудели мощные вентиляторы.

Как и ожидалось, никаких буюв на входе в залив не оказалось. Исчезла и невысокая вышка поста СНИС на ближайшей к морю сопке.

– Чего и следовало доказать, – взглянул Морев на угрюмо взиравших на берег офицеров, и приказал боцману изменить курс.

– Есть, – хрипло ответил тот, – и, завывая турбинами, ракетносец стал совершать циркуляцию в сторону открытого моря.

– Вахте заступить по походному, – бросил Морев старпому. Команде разрешаю выход наверх.

Вскоре из нижней части рубки потянуло сладковатым дымком, и донесся приглушенный говор.

...Ранним утром, следуя в надводном положении, крейсер вошел в горло Белого моря и направился к Двинской губе. Здесь осень была совсем иной. Над головой, в первых лучах солнца, синело высокое небо, на далеких низких берегах в утреннем тумане золотились бескрайние леса, море было спокойным и кристально чистым.

Хотя Морев все последние дни морально готовился к встрече с тем неизвестным, что ожидало их впереди, открывшийся на побережье вид, поразил его. Стоя на мостике, он недоуменно озирает в бинокль незнакомую обширную гавань с многочисленными, застывшими у причалов парусными и гребными судами; корабельную верфь с эллингом и штабелями леса в широком устье впадающей в море реки и довольно большой, обнесенный белокаменной стеной с крепостными башнями город, с величавым собором и многочисленными постройками из камня и дерева внутри и снаружи.

– Александр Иванович, да что же это такое? – недоуменно прошептал стоящий рядом Сокуров. – Просто мистика какая-то?!

– М-да, – удивленно произнес старпом. – Похоже на сон.

Словно в опровержение его слов, на одной из башен за клубился дым, и тишину залива нарушил гул оружейного выстрела.

– Мда, сон наяву – буркнул Морев, опуская бинокль. – Что ж, будем готовиться к встрече.

Спустя минуту, сбросив ход, аспидно-черная туша ракетносеца настороженно застыла на глади залива.

А над городом уже тревожно гудел набат и к пристани валили толпы людей.

– Переположили мы предков, – криво улыбнулся старпом, взглянув на Мореву. – Как бы не начали палить по настоящему.

– Все может быть, – ответил тот и, вызвав наверх сигнальщика, приказал поднять на рубке Андреевский флаг.

Спустя непродолжительное время от пристани отвалил весельный баркас и ходко двинулся в сторону крейсера. Помимо разношерстно одетых гребцов в чудных колпаках, на его корме виднелся человек в треугольной, обшитой галуном шляпе, зеленом мундире с красными обшлагами и золотисто-черной лентой через плечо.

– Похоже, офицер, – выдохнул, глядя в бинокль, заместитель. – Как встречать будем? – тревожно воззрился он на Морева.

– Без помпы, – ответил тот. – Боцман, дай – ка мне мегафон.

Между тем, приблизившись к крейсеру, баркас застопорил ход в сотне метров от него, человек в мундире, встал и, приложив ко рту рупор, звонко прокричал, – кто вы такие и с чем пожаловали?!

– Мы русские моряки! – ответил в мегафон Морев. – Возвращаемся из плавания!

После этого наступила тягостная тишина, нарушаемая плеском легкой волны и пронзительными криками выющихся над кораблем чаек. Офицер недоуменно рассматривал темную громаду крейсера с Андреевским флагом на клотике, стоящих на мостике людей и озадаченно молчал. Наконец, приняв какое-то решение, он что-то приказал сидящим в баркасе, весла вновь вспенили воду, и через несколько минут суденышко приткнулось к сброшенному в воду с борта крейсера штурмтрапу.

Уцепившись за него рукой, офицер вскарабкался на надстройку, где у рубочной двери был встречен спустившимся вниз боцманом и препровожден на мостик. Это был средних лет худощавый мужчина, со смуглым обветренным лицом, тонкими усами и длинными черными волосами. На поясе у него висела шпага с золоченой рукоятью, а на ногах красовались высокие сапоги с отворотами.

– Вылитый Д*Артаньян, – пронеслось в мозгу Морева, вспомнившего фильм «Три Мушкетера» с участием Боярского.

Офицер, в чем теперь не сомневался никто из стоящих на мостике, бегло оглядев присутствующих, снял с головы шляпу и, отвесив им легкий полупоклон представился, – адъютант Вологодского генерал-губернатора капитан – лейтенант Морозов Павел Петрович. – С кем имею честь?

– Я командир корабля, капитан 1 ранга Морев Александр Иванович, – сглотнув застрявший в горле ком, хрипло произнес в ответ командир, а это, – кивнул он на стоящих с каменными лицами заместителя и старпома, – мои старшие офицеры – капитаны 2 ранга Круглов и Сокуров. Те набычились и молча приложили руки к фуражкам.

– Господин капитан, Вы сказали, что этот корабль русский, однако у нас таких судов нету, – сказал адъютант, – настороженно глядя на Морева. – Да и ваш вид... Я бы хотел получить дополнительные пояснения.

– Все очень просто, господин капитан-лейтенант, – криво улыбнулся Морев. – Это покажется вам невероятным, но мы прибыли сюда из будущего.

– Не уразумел? – сделал шаг назад и судорожно уцепился за эфес шпаги офицер.

– А чего ж тут не уразуметь, – присоединился к разговору Сокуров. – Именно из будущего, Мы из XXI века.

– Т-такого быть не может, – ошарашено прошептал адъютант и вытаращил глаза.

– Как видите, может, – вздохнул Морев. – Ведь раньше вам не приходилось видеть таких кораблей?

– Н-нет, – ответил бледный офицер, со страхом взирая с высоты мостика на чудовищную тушу ракетноносца.

– А людей вроде нас? – улыбнулся Морев.

– Тоже, – эхом откликнулся тот.

– Ну, вот, а теперь видите. И, как говорится, принимайте гостей.

– Чудны дела твои Господи, – взглянув на небо и осеня себя широким крестом, пробормотал адъютант. – Господин капитан, – с поклоном обратился он к Мореву, я должен немедленно доложить обо всем его превосходительству. Ваше судно военное?

– Да, – кивнул тот головой.

– В таком случае я обязан Вас остеречь, что оно находится под прицелом крепостных пушек и в случае любых недружественных действий будет уничтожено.

– Я Вас понял, – ответил Морев. – Но прошу передать его превосходительству, что мы прибыли с самыми дружескими намерениями.

– Я не прощаюсь, господа, – кивнул головой адъютант присутствующим и вслед за боцманом зазвенел ботфортами вниз по трапу.

Еще через минуту он был в баркасе.

– Весла на воду! – послышалась команда и, отвалив от борта крейсера, суденышко ходко двинулось в сторону гавани.

Глава 5. На берегах Студеного моря*

В это же самое время, в «адмиралтейском кабинете» своих роскошных покоев, заложив руки за спину, неспешно прохаживался Вологодский генерал-губернатор Алексей Петрович Мельгунов. Это был пожилой, крепкого сложения мужчина с умным волевым лицом и светскими манерами.

К моменту нашего повествования Алексей Петрович был в зените славы и пользовался неизменной благосклонностью императрицы, не раз отмечавшей что он «очень и очень полезный человек государству». Происходя из потомственных дворян и получив воспитание в Сухопутном шляхетском корпусе, Алексей Петрович сделал блестящую военную карьеру и дослужился до генерал – поручика, после чего, по высочайшему повелению, был назначен генерал-губернатором Ярославской, а впоследствии и Вологодской губернии. Действительный тайный советник, масон и меценат, Мельгунов был прекрасно образован, увлекался литературой, науками и всячески их развивал. В Ярославле он открыл сиротский дом и народное училище, а в Холмогорах мореходную школу. Начиная с 1786 года, издавал ежемесячный литературный журнал «Уединенный пошехонец», содержал домашний дворянский театр.

За свою долгую и полную приключений жизнь, Алексей Петрович немало повидал и ко всему относился философски. А посему известие о прибытии в архангельский порт ранее невиданного судна, доставленное ему дежурным офицером, воспринял достаточно спокойно и направил для встречи с непрошенными гостями своего адъютанта.

Тот вернулся через час, в состоянии чрезвычайного возбуждения.

– Что с вами, Павел Петрович? – удивился Мельгунов, воззрившись на обычно невозмутимого адъютанта. Такое впечатление, что вы увидели самого черта.

– Вроде того, ваше высокопревосходительство, – выдохнул офицер. – Это действительно дьявольское судно с необычными людьми.

– Так уж и дьявольское, улыбнулся Мельгунов, подходя к своему рабочему столу и усаживаясь в вольтеровское кресло. – Ну те – ка, батенька, попрошу подробнее.

– Судно военное, весьма необычной постройки и формы. Чем-то напоминает гренландского кита, но раз в десять больше. Аспидного цвета и судя по всему, построено из железа, – четко доложил адъютант.

– М-да, – пожевал губами Мельгунов, недоверчиво глядя на него. – Продолжайте.

– На гафеле судна наш Андреевский флаг. По словам командира и его старших офицеров, которые говорят по – нашему, это русский военный корабль и прибыл он из.. из будущего, – почти шепотом закончил Морозов.

На несколько минут в обширном кабинете наступила почти осязаемая тишина, нарушаемая лишь размеренным стуком венецианских напольных часов в его дальнем конце.

– Из будущего говорите? Это довольно интересно, – пристально вглядываясь в бледное лицо офицера, встал с кресла генерал-губернатор. – А вы Павел Петрович того, с утра мадерой не баловались?

– Помилуйте, ваше высокопревосходительство, обижено вскинул голову капитан-лейтенант. – Как можно! Все что я видал, могут подтвердить бывшие со мной матросы. И в порту настоящее столпотворение.

В это время дверь зала отворилась, и на пороге появился грузный раскрасневшийся генерал. Это был Вологодский наместник и правая рука Мельгунова – Григорий Дмитриевич Макаров.

– Доброе утро, Алексей Петрович, – подойдя к столу и тяжело отдуваясь, – просипел он. – Вы уже оповещены о наших необычных визитерах?

– Да, Григорий Дмитриевич, Павел Петрович как раз мне докладывает о них, – ответил Мельгунов пожимая генералу руку и приглашая того присесть.

– В порту творится черт знает что, – продолжал генерал, сняв украшенную плюмажем шляпу и утирая голландским платком лицо. – Все бегут туда как на пожар. Я приказал начальнику гарнизона оцепить порт и никого туда не пускать.

– Разумно, Григорий Дмитриевич, разумно, – согласно кивнул головой Мельгунов. – А как вам иноземное судно.

– Не знаю, что и сказать, – недоуменно развел руками наместник. – Не судно, а какая-то химера. Ни мачт, ни парусов, а в гавань вошло как нож в масло. И очень уж громадное и страхолюдное на вид. Дрожь берет от одного вида.

– М-да, – снова задумчиво произнес Мельгунов. – Павел Петрович, – обратился он к адъютанту, – надеюсь, вы дали необходимые инструкции капитану судна, когда покидали его?

– О да, ваше высокопревосходительство, склонил голову адъютант. – Я рекомендовал капитану не предпринимать никаких недружественных действий по отношению к нам, предупредив, что в подобном случае оно будет подвергнуто артиллерийскому обстрелу.

– Разумно, Павел Петрович, разумно, – удовлетворенно произнес генерал-губернатор. Ну что ж, господа, едем в порт! – сделал приглашающий жест Мельгунов. – Хочу лично взглянуть на этих «аргонавтов».

После этого все трое направились к выходу и, миновав анфиладу роскошных комнат, вышли на украшенное высокими колоннами парадное крыльцо. Оттуда Морозов сделал знак караульному офицеру, и к крыльцу подкатила запряженная четверкой белоснежных рысаков золоченая губернаторская карета с двумя ражими солдатами морской пехоты на запятках. Вся тройца погрузилась в карету и та плавно выкатилась за ворота.

К началу восьмидесятых годов XVIII века Архангельск являлся одним из богатейших городов Империи и был центром русской внешней торговли. Это не могло не сказаться на его облике, который все больше приобретал европейские черты. В городе, который насчитывал более трехсот тысяч жителей, имелось множество добротных деревянных и каменных построек, обширный Гостиный двор, иностранная слобода, Михайло-Архангельский монастырь, православные, лютеранская и реформаторская церкви. Со стороны моря он охранялся мощными оборонительными сооружениями, исключаящими захват побережья кем бы – то ни было. В архангельский порт с самыми различными товарами и грузами, заходили корабли практически всех европейских держав, и английская речь там мешалась с французской, итальянской, и фламандской.

Миновав центральную часть города, карета генерал-губернатора направилась в сторону окруженной многочисленными зеваками гавани, въехала в оцепленный солдатами порт и остановилась на главном причале, рядом с небольшой группой офицеров, рассматривающей в под-

зорные трубы, застывшее на морской глади невиданное судно. Здесь же, неподалеку, находились и несколько капитанов иностранных торговых судов, оживленно переговаривающихся между собой.

При появлении губернаторской кареты, все оставили свое занятие, церемонно раскланялись с вновь прибывшими, и старший из офицеров, начальник гарнизона, доложил, что в порту порядок и зеваки оттеснены за его пределы.

– Ну а на судне, что, Иван Илларионович? – пожал ему руку Мельгунов. Спокойно?

– Да вроде тихо, – пожал плечами седенький полковник. – Не по душе оно мне. Сатанинское какое-то.

– Так уж и сатанинское, – хмыкнул генерал-губернатор, – а ну-ка дай, – и взял из его руки подозрную трубу.

– Невероятно, – пробормотал он через минуту. – Что-то похожее на явление из апокалипсиса.

– Именно так, Алексей Петрович, – наклонился к Мельгунову адъютант. – А вблизи сие судно еще страшнее, просто оторопь берет.

– Однако мы люди служивые, а посему будем разбираться, кто это, откуда и зачем, – ответил ему Мельгунов. – Берите баркас и снова отправляйтесь на судно. Доставьте сюда капитана...

Как только баркас отошел от крейсера, Морев отдал приказ заступить стояночной вахте.

– Юрий Михайлович, – обратился он к нервно дымящему сигаретой старпому. – Выставь в рубке двух верхних вахтенных с автоматами. И держи на всякий случай наготове расчет с ПЗРК. Думаю, в ближайшие полчаса мы с заместителем съедем на берег для аудиенции с местными властями. Так что на тебе безопасность корабля и экипажа.

– Вас понял, – кивнул Круглов и швырнул окурки за борт.

– И не нервничай, – продолжал Морев. – Думаю, к вечеру мы будем пить шампанское со своими пращурами, а команда отдаст дань свежему мясу и овощам. – Пошли, Башир Нухович, – бросил он Сокурову и направился к рубочному люку.

Спустившись вниз, они прошли в командирскую каюту и коротко посовещались по поводу предстоящего съезда на берег. По этому случаю заместитель предложил одеть парадную форму.

– А то неудобно как-то, – сказал он. – Мы, гости из будущего, и в «РБ». Что о нас подумают?

– Согласен, – кивнул Морев. – Не будем нарушать традиций. А теперь главное. В каком объеме нам отвечать на их вопросы?

– Я думаю, на этот счет стоит посоветоваться с Березиным, – колебавшись, ответил Сокуров.

– А я так не считаю, – нахмурился Морев. – За судьбу экипажа отвечаем мы, нам и решать.

– Ну что ж, полагаю, в таком случае с властями нам стоит говорить откровенно, ничего не утаивая. Главное, чтобы они нам поверили. А то еще сочтут за еретиков и сожгут на костре.

– Ну, это ты загнул, Башир Нухович, – рассмеялся Морев. – В России, насколько я помню, инквизиции не было. Ну, что ж, давай облачаться и через десять минут жду тебя наверху.

Когда отсвечивая золотом погон и галунами нашивок командир поднялся на мостик, чудесно преобразившийся и выбритый до синевы заместитель, о чем-то тихо беседовал со старпомом. Чуть ниже, под обводом мостика, двое вооруженных автоматами старшин внимательно наблюдали через отдраенный иллюминатор за водной акваторией, а снизу, из полумрака рубки доносился приглушенный говор и смех, вышедших подышать наверх свежим воздухом подвахтенных.

– Безбашенные все-таки у нас парни, – взглянул на командира Сокуров. – Весь мир перевернулся, а они смеются.

– Да, славянская душа непостижима, – согласился с ним Морев.

– Товарищ командир, от причала отвалил баркас! – взволнованно доложил Пыльников. – Идет в нашу сторону.

– Знать по наши души, – бормотнул Сокуров и поправил висящий у бедра кортик.

На этот раз, причалив к крутому борту ракетноосца и поднявшись в сопровождении боцмана на мостик, адъютант был приятно удивлен видом капитана и его заместителя.

– Господин капитан! – торжественно произнес он. – Его высокопревосходительство, генерал-губернатор Алексей Петрович Мельгунов, просит Вас быть его гостем. Мой баркас к Вашим услугам.

– Спасибо за приглашение, – ответил Морев. – Надеюсь, это предложение распространяется и на моего заместителя? – кивнул он на Сокурова.

– Безусловно, – секунду поколебавшись, ответил адъютант. – Его высокопревосходительство будут очень рады.

– В таком случае, мы в вашем распоряжении, – сказал Морев и первым направился к трапу.

Баркас оказался значительно большим, чем это показалось на первый взгляд, отличался флотской чистотой, и офицеры достаточно удобно разместились на задней банке.

Весла на воду! – прогудел сидящий на румпеле рослый детина в холщовой робе и три пары весел, вспенили прозрачную воду.

Через полчаса баркас пристал к стоящей на листовенничных сваях массивной деревянной пристани, на которой стояла небольшая группа мужчин в треугольных шляпах с плюмажами, блистающих шитьем мундиров и со шпагами.

– Прошу вас господа, – ступил на пристань первым адъютант и сделал приглашающий жест.

Опытным взглядом Морев отметил самого видного из встречающих, с инкрустированным перламутром жезлом с золотистой лентой и уверенно подошел к нему.

– Командир российского ракетного крейсера, капитан 1 ранга Морев Александр Иванович, – раздельно произнес он, приложив руку к козырьку фуражки.

– Заместитель командира, капитан 2 ранга Сокуров Башир Нухович, – гортанно отработовал вставший рядом заместитель.

– Рад, очень рад, лицезреть Вас господа, в наших краях, – едва заметно улыбнулся генерал-губернатор и поочередно пожал офицерам руки. – А это, так сказать, мои помощники.

Стоявшие рядом с Мельгуновым офицеры поочередно представились и с нескрываемым интересом взирали на необычных гостей.

– М-да, – пронеслось в голове Морева. – А наши пращурсы то мелковаты. Самые рослые едва на моего среднего моряка тянут. Отчего бы это?

– А теперь прошу в мою резиденцию, – прервал его размышления Мельгунов. – Познакомимся ближе и поговорим о цели вашего визита. Вы господа, пока свободны, прошу вернуться к своим обязанностям, – обратился генерал-губернатор к своим офицерам.

А Вас, Григорий Дмитриевич, – кивнул он наместнику и наших гостей прошу в мою карету.

Когда хозяева и гости исчезли в ее недрах, Морозов вскочил на подведенного ему драгунском вороного коня, махнул рукой кучеру, и карета понеслась в сторону города.

Резиденция генерал-губернатора поразила гостей своей красотой и роскошью. Такую архитектуру, интерьеры, мебель и предметы искусства, они видели только в кино и музеях.

– Нравится? – тихо поинтересовался шедший рядом с Моревым адъютант, заметив его состояние.

– Да, очень впечатляет, – также тихо ответил Морев.

Потом, выйдя из кареты, все поднялись по широкой мраморной лестнице на второй этаж и, ступая по персидским коврам, прошли в «адмиралтейский кабинет», в котором Мельгунов занимался служебными делами, где удобно расположились в мягких креслах вокруг искусно инкрустированного благородными породами дерева стола.

Тут же, как из-под земли, возник облаченный в красную ливрею лакей, с уставленным хрустальными бокалами серебряным подносом и предложил присутствующим вина.

– За нашу Императрицу, Екатерину Алексеевну! – провозгласил тост хозяин кабинета.

Все встали, дружно сдвинули бокалы и выпили.

– Вы курите господа? – поинтересовался у гостей усаживаясь в кресло генерал-губернатор. – Могу предложить вам трубки и отличный табак, накануне доставленный из Англии.

– Мы бы хотели угостить Вас своим, ваше высокопревосходительство, – ответил Морев и, достав из кармана пачку «Русского стиля» открыл ее и протянул Мельгунову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.